

Дан Берг

Чуден Днепр

Глава 1

Сбор

1

На чудном Днепре стоит скромный город Божин. Одни говорят, что добрую половину его жителей составляют евреи. Другие держатся противоположного мнения, дескать добрая половина Божина есть украинцы и казаки.

Ранняя весна. Теплый ветер с юга. Снег осел, уплотнился, потемнел. Вот-вот река вскроется.

Евреи справили свой любимый веселый праздник Пурим. На исходе субботы главный божинский богач Эйзер созывает отцов города на сбор. Накануне обильных всевозможными делами и трудами лета и осени набирается бездна достойных обсуждения предметов. Иначе нельзя – ведь обсуждение есть путь к предпочтению общего интереса. А без этого кагал не выстоит против врагов, друзей и покровителей.

- Проходите, проходите в дом! – приглашает гостей радушный хозяин и рассказывает их вокруг накрытого стола.

Эйзер – мужчина средних лет, среднего роста и, как полагает равная ему годами и вышиной статная жена его Элишева, средних же способностей. Бог дал сей чете четверых детей – три младших дочери и старший сын Иона. Вопреки скромной оценке талантов мужа, последний замечательно преуспел в купеческом деле. Порой осторожный, порой смелый, но неизменно приверженный здравому смыслу, Эйзер, не торопясь, но уверенно полнит добром семейную казну. Немалое наследство давно уж преумножено. Прадед Эйзера пришел из немецкой земли в Варшаву, а отец двинулся дальше на восток, к Днепру, где много воли для предприимчивого характера.

Элишева то и дело подступает к мужу с вопросом: “Почему не женишь Иону? У семнадцатилетнего должен быть свой дом и первое дитя в люльке!” Всякий раз Эйзер изобретательно ускользает от ответа. Скрывая от матери страшное преступление сына, бережет слабое женское сердце, а еще пуще – свое мужское и сильное, ибо страшит его неистовый нрав супруги. А непутевый Иона не знает, что о грехопадении его, то есть о пламенной и, хуже того, взаимной любви к юной казачке Иванке, давно уж известили отца верные шпионы. Эйзер же никак не решится на откровенный разговор с отроком и терпеливо выслушивает ложь из сыновних уст.

Сегодня, как и обычно, Иона молчалив. Проницательный отцовский взгляд распознает на физиономии отпрыска, как из-за напускного выражения скучной обыденности проглядывает не то вдохновенное удовлетворение, не то удовлетворенное вдохновение. “Не иначе, досыта навидался со своей зазнобой, нечестивец!” – подумал родитель. Эйзер вспомнил свою небезупречную юность. “Однако, я не безумствовал, как Иона, не терзал отцовское сердце, быстро вернулся на торную дорогу. В ешиве Иона не прижился, хоть и умен. Похоть превращает умного в глупца. Летом возьму его с собой на ярмарку в Люблин, пусть учится

коммерции. А вась дурная страсть уступит место страсти к наживе. Известно ведь – стремления сердца непостоянны, и новое влечение теснит старое. Зашлю Иону по торговым делам куда подальше, чтоб позабыл свою шиксу и стал человеком”, – думает Эйзер.

2

- Рад видеть вас, гости, за этим столом! Пурим позади, враг наш Аман побежден, и пришла пора радоваться, не так ли, евреи? – шуткой пытался Эйзер прогнать печаль из сердца.

- Именно так! Спасение не за горами. Будем непоколебимы в вере и образцово праведны, и не отсрочится более приход спасителя! – воскликнул Акива, каббалист, известный в Божине и других городах. Страстными речами он зароняет семена гордости в молодые души, красноречивыми проповедями орошает взошедшие ростки. Акива преуспел и много сердец пленил.

- То-то и горе, что в каждом поколении есть Аман, а счастливое избавление от супостата наши недруги именуют изуверством евреев, - заметил Залман, божинский раввин. Не принявши шутливый тон купца, он обиняком ответил каббалисту.

Формальное вступление окончено, и Эйзер переходит к практической стороне встречи. По долгу хозяина он удостоверяется, что у каждого на тарелке кусок, и горилка белеет в стопке. Обязательное благословение, глубокомысленный тост, короткая трапеза.

Для зачина Эйзер желает сказать нечто такое, что проникнет в душу к Ионе, разбудит уснувшую гордость избранника, рассеет тьму, скрывшую мерзость безумных вожелений. Эйзер напомнил, как явившиеся с запада евреи принесли расцвет земле польской в полтора года последних лет. Похвалялся, мол без еврейской головы арендатора ни один шляхтич не управится с работниками и не соберет доброго урожая. Решительно заявил, что исконный купеческий талант сделал еврея безраздельным хозяином ближней и дальней торговли, и тем обогащает и его самого, и пана, и народ. И еще добавлял слов в том же роде. Довольные гости согласно кивали черными, рыжими, седыми бородами. И только тот, кому назначалась тирада, сохранял бесстрастную мину на лице.

3

Беседа в разгаре. Труды и старания, заковыки и препоны, хитрости и уловки, догадки и советы. Слышнее других голоса арендатора Хаима и корчмаря Симхи.

Хаим человек пожилой, много испытавший, известный своей мудростью. В Божине и в округе он – главный арендатор. Из многочисленной своей родни Хаим выбирает молодых и смекалистых и дает каждому его долю аренды. Верных вассалов научает, наставляет, направляет. Земля вовремя вспахана, сады образцово ухожены, урожай полнит панские закрома. “Не давай крестьянину лениться – будет сыт и трезв!” – такого мнения держится старейшина арендаторского клана.

- Послушайте меня, люди добрые, - говорит Хаим, - есть у нас, у арендаторов, хвороба, и если разовьется она, заболит у всех. В довесок к желанной аренде хозяйства и земли паны принуждают нас брать на откуп православные церкви. Хоть в документах не записывают, но на словах требуют. Не надобно нам этого барыша, опасен он. И без того не любезны мы крестьянам и казакам, а за то, что держим ключи от их молелен – ненавидят нас. Это общее дело, вместе надо думать, как беду предупредить, - закончил Хаим.

- Это важно, это обсудим в конце, - заявил раввин Залман.

- У казаков душа горит и руки чешутся, - неожиданно вступил в разговор молчаливый доселе Иона. Несомненная осведомленность сына напомнила Эйзеру о семейной печали.

Симха, владелец корчмы, что у въезда в Божин – молодой здоровяк с широкими плечами и тяжелыми кулаками. Манеры и выражения посетителей его заведения – не высшей пробы деликатности. Это обстоятельство, казалось, должно было закалить и огрубить симхиноу душу, изгнать из нее вечный еврейский страх. Потому удивительно звучит жалоба в устах божинского Самсона. Знает он, однако: смазку получает самое скрипучее колесо в телеге.

- Казаки, пока трезвые, клеветают на нашего брата корчмаря. Говорят, мы крестьян за чубы хватаем, в шинок тащим, заставляем горилку пить, народ спаиваем. Ложь! Доброй волей к нам тянутся, жены их бедные силой рвут чарку из рук пьяниц. Когда же подопьют лихие витязи, грозят разгромить заведения наши, а нас самих повесить. Власть панская должна оборонять нас от произвола, ведь изрядный налог с нас взимает! – жалобится Симха.

- Шинкарь с его товаром запорожцу лучший друг. Нет причины казака бояться. Да и мессия у порога, поплатятся обидчики! – воскликнул Акива.

- Боюсь, ты легкомыслен, дорогой Акива, - заметил Эйзер.

Залман, который обычно составлял оппозицию Акиве, на сей раз не возразил каббалисту. Раввин решил, что наступил момент довести до сведения почтенного собрания новость, которую он приберег к финалу.

- Слушайте меня, евреи! – драматическим голосом признес Залман, - я сообщу вам нечто такое, что, если достанет нашей мудрости, даст нам надежду на исправление зла и водворение добра.

Тут глаза заблестели, брови поднялись, бороды застыли, уста смолкли. Залман продолжал.

- Мне донесли, что казацкий сотник Рудан Дворецкий томится в турецком плену. Человеку этому прочили великое будущее. Отец его, подстароста Исая Дворецкий, известен своим благорасположением к нашему брату. Он болен, страдает от ран, и в любой день можно ждать недоброй вести. Средств для выкупа сына у старика не достает, и это – наша удача. Пусть каждый, не скупясь, вложит свой пай, и вызволим из беды будущего владыку запорожского, и обяжем его, и тем оградим себя от бед.

План Залмана возбудил дебаты бурные, но краткие. Безмилосердная реальность отваживает от алчности в пользу здравомыслия. Собравшиеся сделали чрезвычайный сбор и поручили Эйзеру доставить деньги отцу будущего властителя еврейских судеб.

Глава 2

Яблоня и яблоко

1

Король расположился в одном из бельведеров в парке варшавского дворца. Шляпа с белым пером брошена на траву, рядом с нею распластался светлый атласный плащ, и кружевной воротник расшнурован. Жарко. На коленях закрытая книга. Тяжелый переплет с медными скобами обтянут черной кожей. Не чтение занимает сидящего. Король ожидает визитера. Вот-вот должен появиться казацкий сотник Рудан Дворецкий.

В намерении поднести иль получить награду заключена приятность нетерпения. Обязанность сообщить ли, выслушать ли тревожное известие испытует твердость духа. Верно это для

обеих сторон, и пусть одна из них – сам польский король, а другая – мелкопоместный шляхтич.

Показался статный молодой мужчина. Ради приема во дворце гость сменил живописный наряд казацкого офицера на привычное королевскому глазу платье европейского дворянина. В ответ на выражение верноподданного почтения прозвучали слова покровительственного благорасположения.

- Я несказанно рад твоему возвращению, Рудан. Моя армия нуждается в отважных и умных командирах.

- О, премного благодарен, Ваше величество! Когда предо мной встают картины недавнего турецкого плена...

- Стоп, стоп, Рудан! Прошу не продолжать. Уж мне описали твое мученичество, и вновь слышать об этом чрезмерно тяжело для монаршего сострадающего сердца. Ты вернулся, и слава всевышнему!

- Воистину так, Ваше величество!

- Куда как радостнее вспоминать штурм французской крепости. Граф, посланник Франции, писал мне, что у казаков есть полководец, подающий блестящие надежды. По словам посла, Рудан Дворецкий великолепно распорядился своею армией!

- Мне самому услада думать о тех днях.

- Господин Дворецкий! За храбрость в войне с турками, за мужество в плену и, наконец, за утверждение славы польского оружия в Европе, вручаю вам сию награду!

Раскрасневшийся от гордости и похвал Рудан глубоко поклонился и принял из рук короля резную шкатулку. Велико желание казака поскорей увидеть, чем полнится ларчик, но, не будучи уверен в совершенстве своих придворных манер, он смирил любопытство. Скользящая по лицу монарха улыбка сменилась приготовленной миной печали.

- Мой друг, в том же бою, что тебя пленили, твой отец был ранен. Я прикомандировал к больному лучшего своего лекаря, и тот поставил на ноги Исаю Дворецкого. Увы, давеча я получил печальную весть – рана вновь открылась.

- Ваше величество, я весьма обеспокоен, разрешите следовать домой, к больному батюшке!

- Поспешай, Рудан! И передай родителю мою великую благодарность за доблесть и за доблестного сына и непременно возвращайся под мои знамена!

2

Рудан торопится домой. Тревога гложет сердце. По-прежнему любит отца, хотя в последние годы окрепли прежде мягкие шипы несогласия. “Забыть о разномыслии, – думал Рудан, – лишь бы жил, пусть и увечный!”

Днями Рудан едет верхом, ночами сон не идет к нему. Вспоминает отчий дом, годы учения, друга Миколу Шилохвоста.

Исай Дворецкий, подстароста, по осени самолично отвозил сына в Киев, в братскую школу, а по весне забирал обратно. Во львовский иезуитский коллегиум повзрослевший Рудан отправился сам. Чужая вера претила, а все ж славное было время!

“Я лучше прочих школяров успевал в предметах, - смакует воспоминания Рудан, ворочаясь с боку на бок, - никто так ловко не болтал по-польски, никто так бегло не читал латынь. Не зря классный дядька нахваливал, дескать у меня память необычайная, дар с людьми сходитья и их язык перенимать. В плену я и турецкий и татарский выучил! Впрочем, Микола мне не

уступал. В чистописании и красноречии, пожалуй, упреждал меня. А уж талантом к сочинительству его бог наградил. Где он обретается? Скрытный, о семье скудно говорил. Обязательно разыщу!”

Турецкий плен, вернее рабство двухлетнее, всякую думу черным пятном метит. Прав король. Суровое испытание для гордого духа. Не идет из головы мысль: “Кто выкупил меня? У отца сроду таких денег не было. Кто платил? Кому обязан? Быть в долгу – что в неволе жить!”

3

Там, за холмом, сердцу любезная усадьба. Родной очаг не за красу мил, а оттого, что свой. Рудан пришпорил коня. Дворовый слуга едва уберется, отворяя ворота всаднику.

Отец лежал на раскладной кровати, в саду, в тени яблоневого дерева. Тут же стояла плетеная корзина, полная яблок. Лицо Исая бледнело в оправе длинных темно-каштановых волос. “Батюшка не поседел. А ведь он плох”, - мелькнуло в голове Рудана.

- Сынку! Успел! Господу нашему слава! Повидаю тебя перед кончиной! Я отхожу, Рудан, - вскричал Исая голосом, слишком крепким для умирающего.

“Нет, не умрет. Это страх и воображение”, - подумал Рудан. Он опустился на колени перед спартанским ложем больного, обнял отца за плечи, поцеловал в лоб.

- Ты непременно поправишься, отец. Король вновь посылает к тебе лекаря, он прибудет днями.

- Король добр к нашей семье. Вчера мне донесли, что ты награжден – слухи мчатся быстрее лошадей. “Эй, Варлам! – крикнул Исая домоуправу, - распорядись-ка о бане и об обеде. Видишь, Рудан приехал. Есть у нас гость дороже?”

К вечеру потянуло прохладой. Рудан и Варлам помогли больному переместиться в дом. Исая полулежал, облокотясь на пирамиду подушек. Сын пристроился рядом. Отец скептически оценивал свою перспективу, вознамерился осенить сына заранее приготовленными наставлениями.

- Сынку, мало осталось мне дней жизни. Знаю, ты горд, не жалуешь непрошенных советов. Снизойди, однако, и выслушай своего старика.

Рудан набрал побольше воздуха в легкие, приготовился смиренно внимать.

- Мое первое наставление тебе – покуда мысль не созрела вполне, не торопись задуманное оглашать, тем паче действовать поспешно. Совет такой годится?

- Разумеется, отец.

- Продолжу. Ссор остерегайся, но ежели дошло до драки, действуй так, чтоб остерегался недруг. Согласен?

- Разумеется, отец.

- Охотно слушай, меньше говори. Ведь слушая, ты приобретаешь, говоря – лишь отдаешь. Принимаешь это?

- Разумеется, отец.

- В дружбе будь до конца верным, но не бескорыстным. Расчет дружбе не вредит. Помню, ты любил Миколку Шилохвоста. Какого он роду, какого племени? Темная лошадка. Я бы поостерегся с таким сближаться.

- Он хороший товарищ. И умен.

- Запомни, сынку, в равной мере худо ждать возврата долга и тяготиться ролью должника.
- Прости, отец, я перебыю. Упомянув о долгах, ты уколол дремавшую тревогу. На чье золото турки обменяли твоего сына?
- Не удивлен вопросу. Деньги явились из города Божин, что на нашем чудном Днепре. Богатый купец дал. Еврей по имени Эйзер. Община сделала складчину. Верой в твою великую будущность Эйзер мне польстил. Тебя спасая, он для своих мостит дорогу к большему преуспению.
- Евреи вложили состояние в мою карьеру. По гроб жизни буду обязан их нечистому племени.

Рудан помрачнел. Исай робко взглянул в ожесточившееся лицо сына.

- Сынку, евреи не так плохи, как принято думать. Сравняй их с собою в голове твоей, не ставь препоны им, и они пользу принесут великую. Уменьем своим невообразимо разовьют коммерцию, земледелие и всякое ремесло. Они сторицей платят королю за привилегии. Если прав Эйзер, и судьба тебе взлететь высоко, не раз еще придет нужда в больших деньгах. Рука моет руку, а доставивший выгоду другому, доставит ее и себе.
- Отец, когда был я в турецкой кабале, услышал разговор двух евреев из наших мест. Пленники, ожидали выкупа. Они говорили по-своему. Не знали, чей я сын. Я к языкам склонен, тарабарскую их речь еще до плена научился понимать. Разговор был о нашей семье. Один твердил, мол подстароста Исай Дворецкий родом из евреев, дед его принял крещение. Другой согласен, дескать только еврей станет своего сына наукам учить. Не оттого ли, что правы они, ты за евреев вступаешься, батя?
- Гордись своим шляхетским родом, сын мой!
- Ответ туманен. Я в разных странах побывал. Племя иудейское гонимо везде и по праву. Евреи – несчастье христиан. Лучше поступиться выгодой, да не быть в долгу у тайных врагов.
- Оставим спор, Рудан. Будь верен сам себе и ни за что не изменяй нашей вере православной. Вот мой завет.

Отцовские воззрения на иудейство огорчили Рудана. Наставления же показались ему слишком очевидны, прямолинейны пожалуй. Но порадовал завет родителя – оставаться православным, хранить родную веру. Лицо его просветлело. Сын взял отца за руку, сказал с теплом: “Ты прав, батюшка, оставим спор. Ты исцелишься, будешь жить!”

Глава 3

Над рыбным рядом созвездие рыб

1

Мал, но замечательно красив город Божин. Зеленые извивы высокого днепровского берега чаруют глаз. Заметные издали высокие колокольни церквей, видимые вблизи зубчатые башни городской стены и, наконец, мелькающие за витыми оградами строгие здания синагог – все наполняет гордостью души горожан и завистью сердца пришельцев. Счастлив Божин своею судьбой, ибо вдоволь у него певцов. Украинцы и евреи, каждое племя на свой лад, воспевают город и тем крепят славу его.

Рынок в Божине хоть и не сияет архитектурной красотой, но весьма примечателен обилием товаров. Утро пятницы – время особенного значения. Рыбный ряд становится воистину велик, выплескивается за городскую стену. В часы эти продается рыбы едва ли не больше,

чем в прочие дни недели взятые вместе. За прилавками стоят крестьяне, а евреи – покупатели. Субботнюю трапезу, которая начинается пятничным вечером, еврей не мыслит без свежей фаршированной рыбы. Продавцы довольны выручкой, перешептываются незлобиво, дескать Мойша, прихвостень арендатора Хаима, накануне пятницы не только что не запрещает рыбалям промыслять, но даже гонит их на реку. Заядлые отрицатели, однако, твердят, что запретов никаких нет, их сами добытчики рыбы выдумали, чтоб свою лень оправдать.

2

Как-то раз, купец Эйзер, богатый божинский еврей, очутился в рыбное утро в рыбном ряду. С ним Иона, семнадцатилетний сын его, неженатый пока. Вышли они из дома ранним утром, направились к раввину Залману обсудить сватовство старшей дочери Эйзера, сестры Ионы. Жена купца, статная Элишева, отпустила служанку по болезни и потому поручила супругу обратной дорогой позаботиться о первом субботнем блюде.

Не только среди евреев, но и в казацких семьях встречаются порой ценители даров Днепра. Евдокия, жена казака Ефрема, взявши с собой дочь Иванку – пусть учится девица выбирать товар и торговаться о цене – пошла в базарный день купить недорого несколько фунтов рыбы.

Случаю было угодно свести двух евреев и двух казачек в одном месте и в одно время. Всякому ясно: Эйзер и Евдокия друг другу не интересны. Купили рыбу у продавцов за соседними прилавками и разошлись в разные стороны, увлекая за собой каждый свое чадо. Иное дело отпрыски. Лишь мгновения достало быстрому взгляду Ионы, чтоб вобрать в душу прелестную нежность девичьего лица, белизну косы, венком лежащей на голове, пригожую хрупкость тонкого стана. В половину мгновения Иванка настигла смелого взора стрелу. “Глаза голубые, белокурый, высок, широк в плечах. Словно казак. Зачем он еврей?” – подумала. Взволновались Иона и Иванка, что-то учуяла Евдокия, в безмятежности пребывавал Эйзер.

Напрасно случай называют слепым. Он видит, предвидит, а то и предопределяет. Иначе не встретились бы вновь наши герои утром следующей пятницы. Как известно, в городе Люблине каждый год ярмарка. Купец Эйзер не последний человек там. Божинский рынок подскажет, что и почему продавать и покупать на великом торговом съезде. Вот и бродит Эйзер по рынку, вникает сам, наставляет Иону, наследника коммерческого ремесла. А Евдокия с Иванкой вновь захотели полакомиться и, пренебрегши насмешками соседей, мол еврейский вкус переняли, отправились со своего казацкого хутора к божинской городской стене, в рыбный ряд. “Не все любят одно и то же, мы – иные, нам другое подавай!” – решительно заявила Евдокия. Хороший вкус уверен в себе.

Тут на горизонте показались всадники – это татары задумали поживиться деньгами и товаром, а то и пленных ради выкупа захватить. Покупатели и продавцы бросились к городским воротам. Паника, теснота, давка. Лицом к лицу столкнулись Иона и Иванка. Водоворот толпы притиснул друг к другу юные тела, и сердца горячие замерли. Подоспевшие казаки саблями и копьями рассеяли разбойников. Люди утомонились, разошлись. Сладость пережитого ворвалась в души молодых, оглушила. Евдокия пристально глядела на трепещущую свою дочь. Эйзер с подозрением покосился на бледного отрока.

“Как он пригож! Глаза добрые. Верно, не грубый совсем. Чай, слова ласковые на языке. Умен должно быть, книжник, как многие из них. Парубки наши не таковы, вино да драка на уме. Вот, влюбилась в чужака. Как забыть его? Нейдет синеглазый из головы. Тайной обзавелась. Быть беде. А любви хочется!”

“О, как прекрасна она! Словно Шуламит. Нет, та черна, а казачка моя бела. Песнь песней в сердце стучит. Любовью болен. Мне не жить без нее. Она чужая. Если станет моей, станет ли своей? Погибнем в этом мире. Что делать с тайной? Кто даст совет? Быть беде. Но ведь есть любовь!”

Так думали Иванка и Иона. А еще подумали об одном и том же: “Вот, случилась ведь вторая встреча после первой. В том же месте, в тот же день и час. Видно, так угодно судьбе, и тут ее подсказка. А судьбе нельзя перечить, звезды на небесах правят ею. Явлюсь на рынок утром в пятницу – и непременно встретимся!”

Химера подмигнет человеку, и уж он все сделает, чтоб погубить себя. Не обморочила судьба верующих в нее, и свиделись молодые. Укрылись в роще, что неподалеку. Уселись на траву и давай глядеть друг на друга, и в глазах любовь бездонная, словно жизнь каждого до сего дня была лишь приготовлением к нему и ожиданием его, и вот, свершилось. Иона и Иванка изобретательны в уловках и всякий раз выдвигали новую причину, чтоб исчезнуть из дома и встретиться в заветном месте.

Нелишне заметить, что практическим результатом свиданий для Ионы стали хорошие всходы семян украинской речи, которые заронил в юную голову дальновидный Эйзер, готовивший сына к коммерческой карьере. Иванка же в свою очередь черпала из уст возлюбленного столь умные штуки, что и наиученейшему казаку они едва ли ведомы.

Евдокия притворялась, будто верит дочкиным хитростям. Болью и страхом наполнилось материнское сердце. Но и для радости, а то и для зависти находился в нем уголок. “Богатырь белокурый, и умен, и добр, и богат. Да какое ж девичье сердце устоит? Могу ли я повернуть реку вспять, хочу ли? Боюсь беды, но хоть накоротко глотнет счастья Иванка моя!” – думала мать.

Эфемерны тайны в Божине. Эйзер не лыком шит. Отрядил кучера Мотла шпионить за Ионой и узнал необходимое. “Я сам не свят был в юности, но за край пропасти не заглядывал. Пропадет еврей! Сташно по живому сыну траур справлять. Как горю помочь?” – терзался бедный отец.

Не придумали пока Иона и Иванка для своей любви будущего. Есть лишь настоящее, да и оно зыбко, как днепровские дюны. Потому ласки их особенно горячи и жадны. Обо всем на свете говорят юные любовники, лишь бы греться в лучах мгновения, не скользнуть в холодную тень грядущего. Казачка рассказывает о знакомом житье-бытье, о войнах и победах, о доблести и силе. Иона восторгается молодечеством, говорит, хотел бы на коне гарцевать, саблей рубить, мужскому удалому братству принадлежать. Иванка завидует счастливым женам, коих умные и верные мужья всегда при них и всегда несут в дом книги и золото, а не вино и трофеи военные. Дивятся оба, почему человека к чужому влечет? Так же и в любви. Крепка ли тяга эта?

Среди многого разного нашлось и одинаковое: оба родились под созвездием рыб. Иванка смеется, а Иона серьезен, говорит, пойду к каббалисту Акиве, спрошу его, что это нам сулит. На другой день пришел Иона на свидание, и растерянность в лице его. Вот, рассказывает, подступился я к Акиве с моим вопросом, а тот заглянул в каббалистическую книгу, и толкует, что созвездие рыб – то созвездие месяца адар, и кто родился в этом месяце, тот непременно страстен и добросердечен.

- Это о нас, – заметила Иванка, положив голову на плечо Ионе.

- Адар бережет от зла, - продолжил Иона, и Иванка глубоко вздохнула.

- Дети адара все больше фантазеры и ясновидцы и чувят гибельность судьбы, - добавил Иона.

Слезы заблестели в женских глазах.

- А еще Акива сказал, что адар дарует силу для борьбы за главное, и кто примет вызов – тот спасется!

Иванка крепко-крепко обняла Иону.

- Мы неразлучны, как две рыбы небесные, нам достанет сил, правда, милый?

5

Раз пришла Иванка в рощу, бледна, как снег. Сказала слово дружку, и уж на том лица нет. Она заплакала, горько-горько упрекнула.

- Небось, дивчине из своих не сделал бы этого?

Молчит Иона, не протестует, да и к месту ли спор?

- Нет у нас выбора, милая моя казачка. Убежим. В Польшу. А оттуда – куда глаза глядят. Сами спасемся, и любовь нашу спасем. Этой ночью придумаю план, и ты думай. Завтра встретимся и все решим.

- Не могу сейчас бежать. На кого матушку оставлю? Я защита ей. Знаешь ведь, как крут батюшка мой, Ефрем? И так матери не сладко, а если узнает отец, что дочь сбежала, да по какой причине, насмерть бедную забьет! А ты? Как от своих уйдешь? Веру забудешь? Не расквасишься? Меж куском и ртом многое случается!

- К тебе прилепился. Ты теперь моя вера!

Утром другого дня выложили друг другу, что надумали. Иванка подготовит мать, уговорит ее вместе с ними бежать. Иона поедет с отцом на ярмарку в польский город Люблин. Там найдет верных друзей, секретно устроит все. Через три месяца вернется в Божин, возьмет Иванку и Евдокию, и умчатся они к новой жизни. А за короткий этот срок никто и не заметит перемен в Иванке. Любовники обнимались, и плакали, и смеялись, и верели в лучшее.

Не знали они, что уж набрал силу новый гетман Рудан Дворецкий, и бесчестно порушит судьбы, и померкнут в небесах созвездия, страшась страстей сильных мира сего. Не знали они, что безумно любившая Иону благонравная Рут, племянница каббалиста Акивы, шпионила не хуже кучера Мотла и поклялась мстостью умерить утрату.

Глава 4

Сидят вместе, глядят врозь

1

На перекрещении торговых путей вознес свои стены польский город-космополит Люблин. Ворота его приветливо открыты всем верам и языкам. Каждый год в конце лета шумное разноголосье затопляет улицы и площади. Купцы съезжаются на ярмарку, где они обманывают и обкрадывают друг друга и при том все выходят с прибытком. Персы и итальянцы, поляки и немцы, турки и евреи, русские и испанцы, украинцы и армяне. Веротерпимая городская власть привлекает все племена без разбору – лишь бы не пересыхал золотой ручей, текущий в городскую казну.

Богатое и благополучное польское еврейство чувствует себя в Люблине твердо настолько, насколько тверда может быть почва под ногой иудея, осененного небескорыстным покровительством христианина. Городская ешива и просвещенные раввины – наставники юношества – добыли Люблину славу европейского светоча талмудической науки. Здесь собираются главы еврейских общин Польши и Украины, а с ними сильные мамоной и влиянием еврейские богачи. Лучшие из лучших заседают и решают дела во благо народа и веры.

Путь от Запорожской Сечи до Люблина не скор – неделями дорожную пыль глотать. Кибитка и караван возов вышли из города Божин и направляются на ярмарку в Люблин. Богатый купец Эйзер скупил у божинских ремесленников сработанное ими за зиму и везет товар на продажу. Эйзера сопровождает великовозрастный его сын Иона – семнадцать лет от роду, а неженат! Будет учиться искусству торговать.

С купеческой династией делят кибитку два пассажира духовного статуса. Не ради наживы, но для обсуждения в главном раввинате важнейших общинных дел едут они в Люблин. Это божинский раввин Залман и каббалист Акива.

Долга, нескончаема дорога, и нескончаемы беседы четырех попутчиков. Впрочем, Эйзер и сын его Иона предпочитали бы больше молчать и думать каждый о своем. Зато Залман и Акива неутомимы в рвении освещать темные места в талмудических комментариях и комментариях к ним. Светильником служит им азартный заразительный спор.

Лучше и веселее всех вознице Мотлу. Сидит себе снаружи один, то поет, то дремлет, то рассказывает всякие небылицы доверчивым лошадям. Небезопасна дорога, и времена тревожные: татары разбойничают, да и вольные запорожские казаки не прочь порой пограбить на дорогах.

2

Привал. Пока возница Мотл распрягает лошадей и готовит походную снедь, пассажиры, усевшись на траве, любуются великолепием украинской степи. Высокая трава подернулась желтизной. То тут, то там полуденный ветер поворачивает к солнцу головку цветка, и синие, белые, лиловые огни вспыхивают под лучами дневного светила. Хищная птица плывет в небе и стережет добычу внизу. В оцепенении застыла красота.

Лишь чудный Днепр прекраснее степи. Во многих сердцах проложил он русло свое. Останется великая река позади, но вспомнит о ней путник, и шум и блеск волны тотчас растревожат душу.

- Как красива земля, творение божье! – прервал молчание Залман.

- Да-а-а... - задумчиво протянул молодой Иона, словно не договаривая что-то.

Эйзер пристально взглянул на сына.

- Бог благословил свой народ пребывать в этом славном месте, и будем любить всемогущего дар. Новые поселения и общины создадим, новые синагоги и дома учения возведем, святостью отблагодарим щедрость создателя, - продолжил раввин.

- Как и всегда, Залман глядит на поверхность вещей, не хочет видеть их тайного смысла, - бросил привычный упрек каббалист Акива.

- Красивая страна, богатая земля. А узнала бы плуг, стала б еще богаче, и нам от этого выгода, - сказал купец, - так устроено, сила еврея в его золоте. Тебе же, Залман, преотлично известно, что если затеют запорожцы войну, придет конец благоденствию нашему в сей стране. Небось, по этим самым делам и едешь в главный люблинский раввинат? – закончил Эйзер.

- Грешен народ-избранник, не созрел для спасения. Я не слеп, как полагает Акива, и стою на земле, не тешусь пустыми надеждами, как он. Злоба поселилась в сердцах. Крестьянин ненавидит пана, поляк презирает украинца. Еврей теснит одного, угрожает другому и гоним обоими. Боже, храни нас от войны. Непозволительна еврею роскошь беспечности. Большая беда начинается с малой, а испытавший опасается. В раввинате обсудим, как худое предотвратить, - сказал Залман.

- Bravo! – вскричал Акива, - Вот и я твержу, великое грядет. Война! Гог и Магог! Мессия в пути. Не мешать провидению божьему! Не мешать! Много наших погибнет. Пусть! Хорошо! То великие муки, родовые схватки спасения! Достойные уцелеют. Народ вернется в Сион, станем царями мира!

- С этим бредом ты едешь к люблинским мудрецам? – гневно бросил каббалисту Эйзер, - Беда, коли обретишь сподвижников.

- Он заразителен и этим опасен, - заявил Залман, - А таким, как ты, Эйзер, золото глаза слепит, за корыстью ни общинный ни свой интерес не видите. Сосед горит – и ты в опасности!

Трое глядели друг на друга с вызовом, каждый прав. Иона не спорил, молчал.

3

Долгожданный призыв Мотла мигом соединил голодных. Помолились, омыли руки, произнесли благословение над хлебом. Демократический дух похода свел трапезничать вместе и возницу, и ломовиков, что на возах, и сильных мира сего. Нехитрый дорожный харч и горилка помогли временному примирению. Благодать сытости настроила на житейский лад.

- Отчего, Эйзер, отрок твой до сих пор холост? Должно быть, не в купцы, а в казаки его готовишь? – хитро улыбаясь, спросил Залман и подтолкнул локтем Эйзера.

Иона покраснел, опустил глаза, отступил на несколько шагов. Купец не рад был шутке, и без того душа болит за сына.

- Силой дитя не заставишь, а мальчик все просит погодить, - ответил Эйзер.

- Слово отца – закон. Любишь сына – не жалеешь кнута ему. Так в твоих книгах пишут, Залман? – вставил слово Мотл.

Залман, не удостоив возницу ответом, наклонился к уху Эйзера и громким шепотом, чтоб секретные слова долетели до Ионы, проговорил: “Племянница Акивы, благонравная Рут, сохнет по твоему чаду.”

- Впервые слышу, – сказал Акива, пожав плечами.
- Не удивляюсь, - заметил Залман.

Эйзер молчал. Он знал, отчего неуступчив сын. И скрывал причину от жены, и оттого камень на душе был тяжелее вдвое. Страх сжимал отцовское сердце.

И Иона молчал. Парень думал, только ему известна тайна. Ему и Иванке, юной красавице казачке. Мечта несбыточная... Да разве прикажешь сердцу не желать абсурдного и о праздном не думать?

4

Внешняя опасность, общая всем несогласным сторонам, не хуже доброй трапезы заставляет забыть о внутреннем раздоре.

Ехали казаки. Вольные, запорожские. Завидели еврейский стан и расположились на привал поближе к недругам, дабы те и зреть и слышать могли, как богатыри едят, пьют, поют. Время обеда пришло, и не грех покуражиться над пришельцами в чужой земле, напомнить, кто Днепра и степи хозяин.

Сжались еврейские сердца, и неуютно мыслям. А запорожцы пируют. Чарка за чаркой. И поют. Голосисто поют, заслушаешься. Славят чудный Днепр, восхваляют удалую Сечь.

Вышел бандурист, и зазвучала грустная песнь. Ждет казачка возлюбленного, а воин пал от татарской сабли, но не верит молодая злой вести, клянется ждать целый век.

- Будет слезу вышибать! – воскликнул кто-то из казаков.
- Эй, Шилохвост, где ты там? – подхватил другой.
- Выходи, Микола, сыграй, что нам повеселей, а вон тем – пострашней! – крикнул третий и указал в сторону соседей, поспешно собирающих свой скарб.

Тут выступил вперед красивый видом муж, одежда на нем не казацкая. Два запорожца настелили деревянный помост. Дивчина в вышитом сарафане и в сапожках взошла на возвышение. Микола ударил по струнам. Черноокая звонко-звонко запела, застучали каблучки в такт:

“Іхали хозари із Дону до дому,
Умовляли Галю іхати з собою.”

Глядя на лихую певунью, Иона вострепнулся, свою казачку вспомнил: “Иванка, мечта моя...”

Пассажиры кибитки поскорей расселись по местам. Мотл взмахнул кнутом. Вперед, от беды подальше. И не станем упрекать в робости тех, кто, страшась, гонит из сердца страх. Разбойничий свист, стук каблучков и слова лихой песни неслись кибитке вдогон:

“Козаки почули, до лісу майнули,
Жидів порубали, Галю врятували.”

Слезы у Ионы на глазах.

В тексте использованы фрагменты казацкой песни.

Глава 5

Степи и Днепра хозяева

1

Бог дал Ефрему и Евдокии одно единственное чадо.

Ефрем еще нестарый казак, он полон страсти к войне, любви к боевым товарищам и нежности к сабле и мушкету. Годы супружества пришлись на время бражничания, походов и битв. Не часто, три или два, а то лишь один раз в году выпадало Евдокии млеть в объятиях мужа-воина, изведывать его неумелые ласки. Ефрем мало поднялся по лестнице казацкой иерархии, и зависть боевых друзей обошла его стороной, и верно поэтому и был он любим удалой братией.

Доля Евдокии походила на долю многих казацких жен – тревожиться, ждать и молиться за защитника и добытчика. А еще привечать всяческие заботы и хлопоты, обо они теснят из головы страх раннего вдовства. Куда приложит женщина праздные силы души? Евдокия всю себя отдала обожаемой дочери Иванке, найдя в этом счастливое спасительное средство против скудости мужниной любви. И зерна благородства и разумения замечательно взошли на доброй почве. Последний год все чаще Евдокия видит, как дочь томится и печалится, но мать не обронит нечуткого намека, дожидается, пока юное сердце не откроется своей волей.

Не все запорожцы живут одной лишь войной и оставляют жен на мауту одиночества и пытку искушений. Есть и другая кагорта. Принадлежащие к ней селятся в деревнях среди крестьян и мирным трудом добывают свой хлеб. Гром походных барабанов собирает их лишь для больших и редких кампаний. Эти казаки смело берутся за любое дело и неизменно становятся лучшими строителями и землепашцами, ковалями и кожевниками, плотниками и колесниками, рыбаками и охотниками. Дома их полнятся всевозможным добром, хотя горницы не украшены, как у Ефрема, дорогими военными трофеями – мечами дамасской стали, турецкими коврами да резным стеклом венецианской работы.

2

Грядет война, предстоит поход. Это слухи. Но казак знает, слухи о приближении войны верны всегда. И с ляхами можно воевать, и татарам нос утереть, и евреев пощипать. Легко начать войну, да кончить ее мудрено. Жизнь привольна, как степь, пенится, как днепровская волна.

Походу предшествует пиршество, и оно начинается с песен. Украина звенит песнями. Искусные голоса, какими столь богат этот край, лучше всяких картин и книг представляют

мощь и красоту великого народа, его горе и веселье, слезы и смех. И даже в сердце сурового рубаки проникнут нежные звуки цветущей страны и не потонут в бешеной музыке битв.

Ефрем и верные его друзья с утра разложили костры в степи, запасли поленья, привезли бараньи туши, хлеб, окорока, сало, зелень, бочки с медом и горилкой. Уселись вкруг. Бандурист заиграл, запел.

“Оставляю тебя, моя милая, одному богу.
Жди меня, пока возвращусь из дальней дороги.”

Казаки слушают. Бритоголовые, усы свисают до самых ключиц. Загорелые худощавые тела обнажены по пояс. Широкие плечи. Мускулы рук вздуваются, выдавая силу огромную, достойную, по-пустому не растрчиваемую. У каждого сабля за поясом.

Поспело мясо на огне, разложена снедь, откупорены бочки. Выпита первая чарка, за ней другая, третья. Начало положено. Славное начало.

Пришло время беседы. Мужской, неторопливой, степенной – настоящей казацкой застольной беседы.

- Скажите-ка братцы, а слышал ли кто из вас, будто есть на белом свете армия, сильнее нашей, запорожской? – сказал для зачину Ефрем.

- Я еще молодой казак, в одной всего битве рубился, но так думаю, дядя Ефрем, нет в мире войска сильнее запорожского! – уверенно заявил Милован. Он быстро захмелел, что было удивительно, ибо годы, проведенные в киевской бурсе, закалили его.

- Молодость не помеха проницательности, - с важностью заметил пожилой боец Златоус, добавил горилки в чарку Миловану и подмигнул Ефрему.

- Только среди казаков можно встретить истое товарищество! – воскликнул Ефрем и обнял за плечи Златоуса.

- И никто не перепьет казака! – добавил Милован.

- Вот, говорят, воздай своим достоинствам наедине с собой и не хвались перед другим. Верно сказано, но не про нас. Мы-то, казаки, все, как один – одно тело и одна душа, - заключил мудрый Златоус.

- Ляхи сильно теснят народ. Католики проклятые, веру нашу православную в грязи валяют! – не к месту, но к общему одобрению вставил уважаемый за правдолюбие Красун.

- Да что там ляхи? Далеко ляхи, в самой Варшаве. Евреи, приспешники их, что среди нас живут, они украинскую кровь пьют! – резонно возразил наблюдательный Сологуб.

- И то верно, - согласился Красун, - крестьяне стонут: у одного Хаим корову увел за неуплаченный долг, другому Мойша запретил без спросу рыбу в реке ловить, а арендатор Янкель держит ключи от святой церкви и на нашей чистой вере наживается!

- В воду их, грязное племя, в огонь! – вскричал разгоряченный Милован.

- Еврей хоть и жаден, да как без него? Разве наш пахарь без еврейского указа на работу поднимется? Запнется да загуляется! – раздался голос Зиновия, дебютанта среди казацкой братии, спорщика, не явившего пока доказательств доблести.

- Да ведь ясно, как день божий, евреи нас и опаивают, чтоб легче грабить было! Защитник нашелся! – закричал Милован, и кулаки его сжались.

- Разобраться бы, кто этот субчик и откуда взялся? – пробурчал Сологуб, враждебно зыркнув на Зиновия.

- Эй, братва, чего раскипятились? За брехней веселье забыли! А ну, Зиновий, наливай-ка горилку в чарки, да пополей! – скомандовал новичку Ефрем.

Евдокия и Иванка сидят в светлице друг против друга, прядут, грустят, думают обо всем, молчат, говорят.

Хорош дом у Ефрема, и светлица хороша. Стены гладко-гладко вымазаны глиной, а поверх глины выбелены, да так ярко, что белизной слепят глаза, добавляют света в комнате. Пол тоже глиняный, чисто выметен, ни соринки не найдешь – никак две женщины в доме! Печь велика, выложена цветными изразцами. По стенам развешаны боевые трофеи – гордость хозяина – оружие, амуниция, сбруя. Окна маленькие, стекла матовые. Иконы в красном углу.

Евдокия нарушила молчание, тихо пропела:

“Ой, черные бровенята, лыхо мини з вами –
Не хочете ночеваты ни ноченьки сами.”

Тоска об ушедшем в поход возлюбленном шепчет и кричит в песнях любой казачки. Евдокия сидит за прялкой и тянет нить, и думает о прожитой с Ефремом жизни, что оставила позади свой срединный перевал, и вилась, как эта самая нить, которая вьется сейчас в руках ее и, слабая, все грозит оборваться. Она подняла глаза на дочь.

Иванка, голубоглазая и светловолосая, тонкая и стройная, юное создание славянской красоты, с любопытством и сочувствием глядела на мать.

- О чем поешь, мама?

- О жизни казацкой пою. Об отце, о себе, - ответила Евдокия, - и о тебе, наверное... – добавила со вздохом.

Иванка потупилась.

- Зачем мужчины воюют, мама? Убивают, рушат. Гордятся этим. Я слышала, что как сотворил бог человека, так стали люди враждовать, и друг друга жизни лишать, и никогда от этого не отступались.

- От кого слышала, дочка?

- Слышала...

- Я всю жизнь гадала, ответа не нашла. У женщин на уме мир и любовь, мужчины войной и славой дышат. Тщета! Нет благ от войны. Мужчины проливают кровь, женщины слезы льют.

- То у нас, у казаков, мама. Есть другое племя. Вместо сабли – книга у них. Вежеством хозяйничают, мудростью богатеют.

- Ты о евреях?

- О них. Мой Иона таков!

- Иона? Твой?

- Ой, вырвалось! – сначала испугалась Иванка, потом осмелела, - мы любим друг друга, мама! – выпалила она, закрыла лицо руками, зарыдала.

- Бедняжка! – воскликнула Евдокия, подошла к дочери, женщины обнялись.

Издали, из самой степи доносились звуки буйного казацкого пиршества.

“Козаки почули, до лісу майнули,
Жидів порубали, Галю врятували.”

- Бедняжка... – повторила Евдокия, крепче обняла дочь.

Гудит, ревет гулянка. Казаки уж не наполняют чарки, черпают жестяными кружками из бочек. Вот удивительный парадокс пьянства: в начале пира, не пивши и не евши, пьют из малых посудин, зато с полными желудками – пьют из больших. Затараторили балалайки, загремели бубны. Плясуны, как одержимые, пустились вприсядку. Лихо танцуют, часто-часто выбрасывают ноги, утаптывают сапогами землю, ухарски вскрикивают, утирают пот с лица. Удальцы из удалцов не дурачатся пляской, зато гоняются за развеселыми, слетевшимися на угощение девицами, а те визжат, вырываются. Впрочем, есть и покладистые. Лай собак, ржание коней и мычание волов замечательно дополняют какофонию праздника.

На горизонте появилось черное пятно. Стало расти, превратилось в приближающееся облако пыли. Паслышался топот копыт. Это всадник прискакал, ворвался в стан казаков, осадил коня, спешился.

- Эй, запорожцы, хватит пьянствовать! Я – Левко, доверенный самого Рудана Дворецкого, будущего гетмана нашего.

Наконец-то загулявшие казаки заметили прибывшего. Окружили, горланят все разом. Одни порываются обнять его, словно старого друга после долгой разлуки, другие настойчиво протягивают жбаны с горилкой: “Гуляй с нами, казак!”

- Довольно пьянствовать, говорю вам! – во все горло закричал Левко, стараясь пересилить галдеж, - собирайтесь-ка сюда все разом, кто еще на ногах держится, зачитаю вам манифест Рудана!

Казаки сгрудились вокруг Левко. Тот огласил документ. Дворецкий собирает большое войско, созывает казаков в поход. Католиков и иудеев воевать. Спасти народ от грабежа, защитить веру православную.

И на сей раз не разочаровали слухи о приближении войны

День-другой, и уж готова армия – война любит быстроту. Казаки оседлали коней, двинулись за Левко. И Ефрем, и Милован, и Златоус, и Красун, и Сологуб, и Зиновий, и с ними еще сотни и тысячи бойцов выступили навстречу новым приключениям, пустились в путь за свежей добычей. Для собственной славы и для пользы отечества. Корчевать неправду и стяжать имя и почет. Медлить нельзя, ибо время не терпит, коли надо беззаконие устранять, кривду выпрямлять, несправедливость искоренять и обездоленных оделять.

Как и другие казачки, Евдокия и Иванка стоят у крыльца, машут платками вслед удаляющимся рыцарям.

В тексте использованы фрагменты казацких песен, а также украинских народных песен в интерпретации Н.В. Гоголя.

Глава 6

За правое дело

1

Безмерно велико довольство, коим заслуженная награда полнит душу. Тем паче, награда из королевских рук. Коронный прием во дворце и приятнейшая беседа с глазу на глаз с монархом, почести и почет, слава и слова. Да, отлично помнит шляхтич Рудан Дворецкий щедрые похвалы из уст польского короля – за ратное умение, за мужество в боях и за стойкость в плену. Казацкий воевода и доблестное войско его показали и туркам и Европе, на что способен украинский казак, себе и венценосцу добывающий славу.

Государь обласкал Дворецкого, способствовал, сколько мог, исцелению от боевых ран отца его Исаю и, провожая казацкого рыцаря в имение к раненому родителю, просил вернуться впоследствии под королевские боевые знамена.

Прошло время. Умер отец. Молодой Дворецкий женился, потом овдовел. Полюбил другую. Мария, однако, держалась католичества, и весьма огорчала Рудана, не уступая мольбам и призывам казака принять его православную веру. Потому-то и жили они невенчанными, ни в костеле, ни в церкви.

Дворецкий старался для себя и для короля, и не сомневался в расположении последнего, и твердо знал, случись невзгода, и протянет монарх руку помощи. “Другие государи скупы на благодеяния, думают, подданным, как детям, вредно без конца мирволить. Не таков мой король, широка душа его!” – рассуждал воевода.

Не пустует в сердце место, назначенное для тревог. Жалила Дворецкого мысль, что еврейские деньги выкупили его из плена. Стало быть, не миновать расчета, и потому росла в нем неприязнь к хитрому племени. Опять же Мария, упрямая баба, противится православию. Но пуще всего досаждают Дворецкому сосед, польский шляхтич Даниэль Равелинский.

2

Истинный казак, хоть простой ратник, хоть высокого воинского звания, не станет подолгу дома сидеть, за огородом смотреть, на печи лежать да с женой бабиться. Потому-то сотник Рудан Дворецкий бывал в имении своем наездами, а так все больше отдавался бранному труду. Дерзкий и корыстный Равелинский безжалостно насмеялся над верноподданным и честолюбивым витязем.

Как-то раз вернулся Рудан домой, и великое горе встретило его у ворот. Обезлюдла усадьба. Сын схоронен месяц назад. Мария бросила его. Даниэль завладел ею. “Иноверка лукавая! Снюхалась с проклятым поляком, сбежала, католическим браком соединилась с ним. Теперь уж люби не люби, а конец любви. Только смерть негодяя вернет мне Марию!” – думал Дворецкий. Дворовый человек сказал, что отрок вступился за честь отца, тогда бешеный поляк самолично засек мальчика насмерть. Собственной дерзостью наглеет лиходей. Сверх всего Равелинский самоуправно присвоил себе изрядный кусок фамильного пастбища Дворецких и обнес прочным забором украденную землю.

Первая мысль Рудана: “Мечь, расправа! Найти беглецов, голову снести супостату, проучить Марию и вновь завоевать ее!” Однако, по здравом размышлении, опорожнив с горя чарку-другую горилки, оскорбленный отец и муж отверг естеством подсказанный порыв души.

Вспомнил, что он любимец короля, потому, дабы не терять монарший кредит, надлежит ему быть законопослушным подданным, и сообразно с этим действовать.

Не слишком уповая на успех, но чтобы дать законное течение делу в цивилизованном русле, Рудан подал жалобу судейским и не обманулся в худших ожиданиях. “Прозорлив был отец, завещал не изменять православию нашему, ибо в иной вере нет правды. От суда католиков справедливости ждать? Своего выгородили, хоть и преступник. Теперь поищу защиты у высочайшего покровителя моего!” – подумал Рудан, и булавочный укол сомнения рассердил его.

Возгласами радости король встретил в Варшаве казацкого воеводу. “Что привело тебя в столицу, мой честный, мой лучший рубака? Каким угождением угожу тебе, доблестный Рудан?” – вопрошает монарх, и чудится просителю холодок в голосе благодетеля. “Верно, донесли королю, в чем моя беда, а он с сеймом не в ладах, захочет ли ради казака еще и с судейскими ссору затевать? Они – живучий и опасный народ!” – мелькнуло в голове Дворецкого.

С болью выслушав Рудана, король резонно заметил, что сын из могилы не восстанет, а католический венец навсегда решил судьбу Марии. Что до праведной мести Равелинскому, то не слишком ли щепетилен лихой казак, не чересчур ли рыцарствен с канальей? Бывают положения, когда сабля, а не государь в помощь, а политика – дело тонкое, и король есть раб ее.

Дворецкий покинул столицу не солоно хлебавши. Снова вспомнил завет отца. Горько на душе, гневом и злобой полна. Не нашел справедливости. Надругались поляки над любовью и верностью его. Нет закона и нет защиты. Что ж, возмездие придет и не заставит ждать. Вон сколько недовольства панской влатью! Запылает Польша!

3

- Э, дружище, не годится так! Давай-ка сюда штоф, уберу его подальше. Горилка не в помощь тебе! – сказал Микола Шилохвост, силой взял из рук Рудана бутылку зеленого стекла, убрал в шкафчик.

- Да ты послушай, Микола, какое горе у меня! – возразил Дворецкий.

- Что ж слушать-то? Ты уж мне третий день про свои беды талдычешь, забываешь, что говорил и снова начинаешь!

- Миколка, какое горе у меня! Еще стопку позволь!

- Нет, брат, не позволю. Завтра снова приду к тебе. За сутки отрезвеешь, в голове туман рассеется, вместе думать станем. Сейчас прощай.

Друг молодости, Микола Шилохвост прознал о беде Рудана, поспешил приехать в имение Дворецкого. Оба учились во львовском иезуитском коллегиуме, лучшими школярами слыли, всегда вместе, души друг в друге не чаяли. Рудан тяготел к языкам, Микола блистал в сочинительстве. Зависть не омрачала товарищества. Исая Дворецкий бранил сыновнего друга, темной лошадкой называл, но на устах у Рудана всегда находилось слово в защиту.

На другой день вновь встретились Рудан и Микола. Глядят друг на друга ясными глазами, лица благородные, речи разумные.

- Лишь то государство правильно устроено, в коем не обиженные, а необиженные обидчиков преследуют. Когда все права попораны, право на восстание бесспорно! – начал Шилохвост.

- Казаков подниму. Охотно пойдут за мной. За казаками и крестьяне потянутся. У каждого свой счет к пану. Вернем народу Украину, а я во главе стану! – воскликнул Дворецкий.

- Какими резонами людей пробудишь? Скажешь, пастбище да Марию назад хочешь?

- Прав ты, Микола. Говорить буду о том, что народу болит.

- Не говорить, кричать надо! Восстанию лозунги подавай! Коротко, и чтоб жгло!

- Опять же прав!

- За веру православную!

- Это раз, - загнул палец Рудан.

- Панов и католиков – вон!

- Это два, - Рудан загнул второй палец.

- Украина – казакам и украинцам!

- Это три, - Рудан вновь произвел ту же манипуляцию.

- А в-четвертых что, дружище Дворецкий?

- Смерть евреям-кровопийцам! – провозгласил будущий предводитель восстания и уж не загибал очередной палец, но крепко сжал оба кулака своих.

- Не в бровь, а в глаз, Рудан!

- Украина, мати моя! Пусть ни один лях, ни один еврей не смердят на православной земле твоей!

- Замечательные эти слова побереги для Сечи, для схода казацкого, - посоветовал Шилохвост.

Дворецкий потянулся к шкафику, вынул бутылку зеленого стекла. Шилохвост не возражал.

- За правое дело! – воскликнул один.

- За правое дело! – подхватил другой.

Туманно и избито суждение короля, мол политика – дело тонкое. Не угадаешь, от какой причины какого действия ждать. Кто знает, потрафи монарх оскорбленному вассалу, быть может, ангел смерти не обложил бы великой сверхмерной данью аборигенов и пришельцев королевства...

Глава 7

Иона в поле воин

1

Слухи о приближении войны сменились вестью о начале ее. Вскипела казацкая кровь. Великая кампания грядет. Униженный панской властью и обманутый королем, в прошлом сотник, а ныне законный гетман, потомственный дворянин Рудан Дворецкий возглавил казацкий народный бунт. “Довольно польского гнета, прочь еврейское засилье, не позволим католичеству застить свет православия нашего! Пусть ни один лях, ни один еврей не смердят на земле украинской!” Такими речами гетман зажигал казаков, пробуждал от спячки крестьян.

Множилась героическая рать, несла свободу, отменяла беззаконие, сокрушала несправедливость, сеяла правду, выпрямляла кривду. Исчезали несчастные, всходили семена счастья. Для собственной славы и пользы отечества дерзновенный муж Рудан Дворецкий порушал замки и выжигал местечки, разбивал на камни костелы и синагоги, казнил шляхту и истреблял еврейство.

Особенно чудно удавалось вольным запорожским рыцарям карать иудеев, ибо у последних какое воинство, и кто учил их воевать? Беззащитность накликает лютость.

Молодой гончар Зев, трудяга и весельчак в былом, первым в своем местечке глотнул из чаши праведного гнева. Казаки нанизали на копья деток его, великую числом родню сожгли в синагоге, а красавицу жену не тронули – выменяли у татар на дамасский клинок в узорных ножнах. На радость или на горе, Зев был в недельной отлучке, глину в карьере покупал, и не застал правосудный час. Вернулся к могилам и пепелищу.

Гончар стал собирать отряд мстителей. Молодые да сильные потянулись к нему. Такие, как он, с разбитой судьбой, и такие, что чаяли отвратить от себя злую судьбу. Купили лошадей, оружие, амуницию всякую. Наставников воинской науки нашли. Ненависть – хороший учитель, лучший отваги материал.

2

Божинская торговая миссия прибыла на ярмарку в Люблин, и тотчас купцы взялись за обустройство. Иона осторожно и исподволь принялся готовить место перевалки на пути будущего побега, задуманного им и возлюбленной его. Иона, после возвращения в Божин с ярмарки, а с ним казачка Иванка, а с ней плод любви в чреве ее, и Евдокия, матушка ее, должны были тайно добраться до Люблина, осмотреться на приготовленном месте, а дальше – куда глаза глядят. Господь велик и не лишит слабых милосердия своего. Таков был план.

Тут как раз Рудан Дворецкий зажег Польшу и Украину, и разыгралась великая бойня. Вести об еврейском отряде мстителей и о первых победах Зева дошли до Люблина, до скомканной ярмарки, до Ионы. “Вот судьба наша! Моя и Иванкина судьба! Бежать, прятаться, скитаться? Нет! Пусть казачка знает, что избранник ее не уступит самому первейшему казаку! Не начетчиком, а воином, не ползком и во тьме, а с саблей и на коне я явлюсь к возлюбленной моей, не тайком, а гордо и открыто заберу ее!” – думал Иона. Он оставил лаконичное письмо Эйзеру, отцу, покинул Люблин и отправился навстречу отряду Зева.

Казалось, обо всем на свете успели переговорить юные любовники, когда долгими часами нежились в роще возле Божина. А все ж не пришло на ум Ионе, что он любим не за казацкие задатки, а за неказачество свое.

3

Зев внимательно оглядел нового волонтера. “Широк в плечах. Видно, что силен и ловок. Молод, однако,” – подумал командир.

- Сколько лет тебе, Иона? – спросил Зев.
- Восемнадцатый год.
- На десять лет меня моложе. Какая сила влечет тебя к нам в отряд?
- Хочу отплатить за боль народа моего, а для себя – славу стяжать, - ответил Иона и неординарную свою историю благоразумно не открыл.
- Враг наш Дворецкий под твоими словами охотно подпишется! – усмехнулся Зев.
- Да восстанет мститель из наших костей! – выпалил Иона, пропустив замечание командира.
- Аминь!

Долго еще Зев допрашивал новичка. Сказал, наконец: “Ты грамотен и умен. Будешь моим помощником и советником. Штабом моим будешь!” Польщенный Иона шутку поддержал: “Санедрином твоим буду, царь!”

В первом для Ионы бою Зев старался оградить дебютанта от прямой схватки. Но Иона явил изумительную отвагу, и не единым словом робость не выдал. “Вот диво, - думал Зев, - да ведь он книжник и маменькин сынок, а как саблей орудовал! Небось до сего дня и курицу не зарезал, а тут человека надвое рассек, и крови не убоился. Откуда ярость взялась? Хуже казака! Нет, что это я? Лучше казака!” Ошибался командир. Весьма нелегко пережил Иона перипетии первого боя. Но никто не любит быть разгаданным. Он умел держать сердце подальше от языка. А умей он и мысли читать, изрядно ободрился бы командирским рассуждением.

4

Армия польского князя Захария Вишневого упрямо и безустанно противилась натиску казаков. Евреи были благодарны вельможному воителю за лояльность. Раз жестоко покарал воевода своих же поляков за то, что корысти ради выдали запорожцам на убиение соседей-иудеев.

Зев чувствовал себя одиноким волком в степи, победы не кружили голову. “Нужна опора, предел мой – быть крепкой ветвью могучего ствола. Не поискать ли покровительства князя-защитника?” – думал.

Захарию Вишневному говорили не раз о ратных деяниях еврейских мстителей. Он бы не прочь обрести даровых союзников, но сомневался в твердости духа и намерений новоявленных ратоборцев. Бороды, ермолки, одеяния до пят, молитвенники, пение в синагогах, бледные лица и тощие руки – такими он знал евреев. Выйдут из них воины?

Командиры, каждый со своей свитой, встретились для переговоров. Кажется, понравились друг другу. Князь весьма удивился, как малый отряд, толково обозначив миссии бойцов, большие дела вершит. Одни тайно передают помощь своим в осажденные города – пищу и воду, другие умудряются делать поджоги в казацком тылу, третьи устраивают засады. А рубиться с врагом горазды и охочи все бойцы-мстители. Гончар, в свою очередь, польщен был щедрой княжеской похвалой евреям, приносящим неоценимую пользу королю и подданным его. Решили заключить союз, и содействовать друг другу, а придется – так и сражаться вместе под польским знаменем.

Здравицами подтвердили договор. Офицер из княжеской свиты предложил тост за товарищество и ничтоже сумняшеся заявил, что подлинное оно лишь у поляков водится. А боец иудей горячо добавил, что истое товарищество – то чисто еврейское достояние, ибо, как известно, в народе израилевом все друг за друга в ответе. Иона усмехнулся забавному сходству, вспомнив, как Иванка говорила ему, будто запорожцы, пьянствуя, славят казацкое товарищество. Пир не затянулся, ибо по обе стороны стола сидело немало скептиков, и шоры вечной предвзятости плохо проницаемы для лучей прагматизма. “Впрочем, на войне и с дьяволом союз хорош!” – думали малoverы.

5

Разведка – душа войны, шпионы – ангелы ее. Донесение действеннее сотен сабель и мушкетов. Племя еврейское, искони солидарное и вечно избиваемое превосходящей силой, рьяно содействовало своим вооруженным защитникам, осведомляя их о всяком шорохе в стане врага.

Как-то, весьма встревоженный, Зев призвал к себе Иону.

- Слушаю, командир.
- Мне доложили, что атаман Криворучко вознамерился уничтожить отряд, нас с тобой посадить на кол, а оставшихся в живых сжечь живьем. Силы его многократно превосходят наши, и ты знаешь, как этот казак свиреп, - начал Зев.
- Моя засада порубила его дозорных. Грех упускать случай, - сказал Иона.
- Иссякло терпение атамана. Неблагодарумие взыщет дорогую цену.
- Согласен, командир. Не время собирать разбросанные камни, нужен план.
- Вишневский далеко, надежда на самих себя.
- Горилка нас выручит. Казаки заплатят за свою слабину.
- Пировать с ними станешь? – спросил Зев.
- Не шути. Есть задумка. Подошлем к ним украинского кабатчика. Не нашего шинкаря, дабы Криворучко не заподозрил каверзу. Посланец продаст казакам любимое зелье. Много продаст, очень много и очень дешево. Подкупленный нами, кабатчик выйдет с хорошим барышом. Ночью ураганом налетим на спящий лагерь, и не проснутся мертвецки пьяные богатыри! - единым духом выложил Иона импровизированный проект.
- Где взять такого кабатчика?
- Через час предстанет пред тобой. В шароварах и с чубом на макушке.

Вскоре в командирскую палатку вошли Иона и кандидат в хриstopродавцы.

- Послушай-ка, Авдей, много ли у тебя горилки в погребах? – спросил Зев.
- Повеселить твоё воинство смогу, почтенный пан.
- А напоить рать атамана Криворучко? – задал прямой вопрос Иона.
- О, панове, это совсем другое дело. У казаков и утроба больше и больше утроб. Однако, ежели хорошенько подумать – все можно!
- А за полцены продашь казакам товар? – спросил Иона.
- Насмехаетесь над бедным кабатчиком, панове евреи?
- Не насмехаемся, шутим с тобой, Авдей. А ежели мы тебе втройне заплатим, а после дела наградим, то готов ты осчастливить Криворучко? – спросил Зев.
- Всякий хорошему барышу рад! – воскликнул Авдей, глаза его вспыхнули и тут же погасли,
- а зачем это вам? Дурное задумали? Атаман разом учует подвох, пытать меня станет, кожу с живого сдерет.
- Что мы задумали, Авдей, это тебе излишне знать, хоть и дали пищу для ума твоего. А спросит Криворучко, почему за бесценок горилку отдаешь, на наших шинкарей свали. Мол конкурентов еврейских разорить хочешь. Мол нет житья от пархатых. Мол всей душой ненавидишь их. Поверит этому казацкий воевода? – надоумил кабатчика Иона.
- Этому еще как поверит! И прибавлю, дескать слыхал, что атаман готовит евреям окончательный разгром, хочу казаков наградить вперед!
- Прибавь, пожалуй. Так по рукам, Авдей?
- По рукам, панове!
- Иона, выдай верному христианину обещанный задаток. А как наш новый помощник доложит, что пир гудит, щедро награди его.
- А не обманете, ваше высокочестие?
- Авдей, мы к тебе с уважением, а ты нас обижаешь! – закончил обсуждение командир и подмигнул Ионе.

Замысел был хорош, и план осуществился вполне. Обтерев о траву окровавленные сабли, мстители сели на коней и направились в лагерь. Зев и Иона впереди.

- Славно дело вышло! – нарушил молчание Иона, надеясь на похвалу.
- Успех без ущерба не приходит. Будем настороже. Не ужасает ли тебя содеянное нами? – спросил Зэев.
- Ничуть. Мечь – не бесполезная жестокость, она есть торжество над смертью.
- Над чьею смертью?
- Вместе: над смертью отмщенных жертв и их палачей.
- Сказано в писании, что вот, встали евреи поутру и видят, в стане вражьем одни лишь мертвые тела!
- Так ведь то ангел господень ашурское войско поразил, а мы сами врага порубили! – заметил Зэев, удивив Иону своей осведомленностью.

Вдали показался лагерь. Усталые бойцы тянулись длинной вереницей. Вдруг в хвосте ее раздался отчаянный крик. В три минуты боец домчался до авангарда.

- Командир! Один из наших зазевался, отстал. Татарские конники налетели, пленили его!
- Кто это?
- Новичок. Эльдад.

Глава 8

В поле – две воли: чья сильнее

1

Бывший казацкий сотник, а ныне гетман, Рудан Дворецкий вошел в великую силу.

На сердце воеводы неисцелимое горе и черная обида. Покуда он сражался во славу польской короны, сосед шляхтич Даниэль Равелинский умыкнул любимую его Марию и сочетался с нею католическим браком. Негодяй забил насмерть малолетнего сына Дворецкого, вступившегося за честь отца, и довершил преступления свои, ограбив имение Рудана. Неправый суд насмеялся над казаком, а прежде покровительствовавший ему король уклонился от раздора с судейскими и не заступился за верного вассала. Страшна обида, от кого не ждешь ее, а снести – новую навлечь. Герой омоет обиду в крови, а не в забвении.

Пришло время выпрямлять кривду, огнем выжигать злобу, мечом водворять доброту. Гетман обсудил дело с сердечным другом юности Миколой Шиловостом, и зрелое решение пришло.

Сечевоу казак не в почтении у короля. Пан тиранит украинца-землепашца. Еврей опаивает народ и кровь его пьет. Православие – истинная вера – теснимо католиками. Доколе быть сему? Чудный Днепр, запорожские степи бескрайние, всю Украину родную – вернуть треба хозяину истому, и не узнает пощады чужак! Когда сила справедлива – справедливость сильна.

Рудан Дворецкий поднял восстание, возглавил его. Быстро явились победы. Неудостоенные привилегиями королевского реестра, казаки запорожской сечи рекою влились в ратное море гетмана. Сонм крестьян необъятной Украины последовал за ними. Война народная. Корыстные пришельцы, поляки и иудеи, досыта вкушали из котла безжалостной мести. Изувеченные мертвые тела и спаленные жилища насыщали взор праведного карателя.

К чести войска казацкого скажем, что победы добывались не громадностью полчищ, но военной смекалкой. Как взят был город Немиров? Запорожцы, превыше всего ценившие жизнь человеческую, не захотели осадой или штурмом губить души живые, и посему подошли к городу, переодевшись в польскую форму и с польскими знаменами впереди. Схоронившиеся за городскими стенами поляки и евреи открыли ворота спасителям и головами поплатились за глупость.

В Тульчине витязи Дворецкого явили суровую нетерпимость к измене. Державшие оборону города, польские и еврейские обитатели его заключили взаимопользительный союз. Запорожцы предложили полякам выдать иудеев на убиение, а взамен обещали сохранить жизни католикам. Разбился хрупкий договор, и прихотливые пытки предварили гибель израильтян, но та же судьба постигла вероломных поляков. “Вы предали союзников! Изменникам – смерть!” – смеялись казаки в лицо молившим о пощаде. Нелицеприятие радует, даже когда казнят.

Не легко доставались запорожцам победы над королевским войском, и нередко ему сопутствовал успех. В равных схватках достойных противников немало казацких голов скатилось с мощных плеч под ударами рубак армии князя Захарии Вишневого. Беззатейные в одежде, чванящиеся друг перед другом лишь великолепием широчайших шаровар, казаки насмеялись над щегольством польского мундира. Тут и шапки разноцветные, и кафтаны золотом шитые, и ленты, и шнуры, и перья. “У самого выпить ненамного, а последнее у еврея заложит франтовства ради!” – дивились запорожцы и издевались над пустопорожним и недостойным воина резонансом. Справедливости ради вольные казаки признавали пользу дисциплины в рядах врага и уважали выучку его, и иной раз, во хмелю, роняли слово-другое похвалы. И паны были непрочь вышутить запорожскую вольницу. Дескать, что сечь умеет? Гулять да палить из ружей! Но что поляку бездельно, то казаку – главнейше, и через пропасть не навести моста.

Бесценным достоянием запорожцев, да и всех украинцев, был их гетман Рудан Дворецкий. Хитрый и сметливый, ученый и простой, суровый и милостивый. Мир и война, договор и отступничество, непреклонность и сговорчивость – велик арсенал политика божьей милостью. Среди врагов он находил союзников, в среде союзников разоблачал врагов. Утверждаясь, он сметал и порушал.

Польскую армию возглавлял светлейший князь Захария Вишневский. Любимец войска и хитроумный воевода, он в имении своем жил по-королевски, но в походе был неприхотлив, как простой солдат. Терпим ко всякой вере и всякому племени. Даже с еврейским отрядом мстителей сумел сговориться. На войне снискал славу жестокого усмирителя, а в мирное время прослыл землепашцем и строителем.

Сошлись две дружины. Запорожские всадники против польских драгунов и гусар. Сшиблись два пенных вала. Муж шел на мужа, меч звенел о меч. Грохот, гарь, порох, кровь, крики. Страшным иступленным кентавром, как единое тело, бились с врагом казак Тарас Вернидуб и приученный конь его. С двумя справляются враз. Вот Вернидуб взмахнул клинком, рассек шляхтича от плеча до пояса, конь зубами размозил лицо спешившему на выручку. Тарас

ринулся дальше сеять смерть. Полдюжины поляков окружили богатыря, закипела кровавая резня. Наконец, шляхетский оруженосец изловчился и, что есть силы, вонзил кинжал в затылок Вернидубу. И рухнул витязь вниз, и воитель-конь зотоптал копытами своего седока.

Шумит битва, и льется кровь и спекает степную пыль. Сегодня бой, а завтра – мир, а там вновь по коням и за мечи. И кто уверенно скажет, чья сторона взяла верх? Та, что больше голов порубила, или та, что трусливо бежала? Пройдет время, и рано или поздно все вернется к былому, и любая справедливость обратиться в прах. И выйдет, что ни сила, ни удаль, ни кровь и ни жертвы не сделали перемен.

Как главный стратег, Рудан Дворецкий в гущу битвы не встречал, но наблюдал и направлял, находясь в разумном отдалении. И все ж пуля настигла гетмана и ранила его, и нашелся лекарь получше королевского.

Глава 9

Десять и один

1

Горят Украина и Польша. Это пламя казачьего гнева испепеляет имения ляхов – тиранов и утеснителей простого люда. Не легче участь евреев, кровопийц и панских подголосков. Славный вождь взбунтовавшихся запорожцев гетман Рудан Дворецкий нещадно и без разбору избивает врагов православия. Необходимость воздает одной мерой и великим и малым, и пусть не ждет милосердия бездушный.

Зев, молодой еврейский мастеровой, гончар, потерял семью и дом в огне восстания. Он созвал таких же, как он, жертв справедливости и возглавил отряд еврейских мстителей. Правой рукой Зеева стал Иона, юный уроженец Божина – города, стоящего на чудном Днепре. Запретная любовь к прекрасной казачке Иванке привела Иону, сына богача-еврея, на военную стезю.

В одной из хитро задуманных превентивных операций бойцы Зеева перебили мертвецки пьяных казаков бравого атамана Криворучко, замыслившего окружить, обезоружить и казнить еврейских воинов. И все бы хорошо, но, успех, как заметил Зев, без ущерба не приходит. И неподалеку от лагеря, куда отряд возвращался после рейда, случилась беда. Молодой боец по имени Эльдад отстал, зазевался, и татарские конники пленили его. Отступить от пленного – непростительный грех, выручить – святая заповедь. Так ведется у евреев. Крепко думают Зев и Иона, как спасти Эльдада.

- Эльдад – юнец мокроносый, какую заковыку учинил отряду! Как бы кто из настоящих ратников не лишился головы ради него! – весьма солидно промолвил недавний дебютант Иона.

- Моя вина: необученного взял в бой. А что молодой он, так прости его великодушно! – сказал Зев и, прищурившись, взглянул на Иону, - подскажи-ка лучше, что делать теперь.

- Да ведь ты, командир, не хуже меня знаешь, только три пути у нас: выкупить Эльдада у татар, силой его отбить, или захватить заложников и обменять. А удастся заполучить птенца – тотчас выдворить из отряда и отослать домой.

- Правильно! Своего не бросать! Однако, нам нужен духовный совет. Вызволение пленного есть дело верности заповеди, а не военное дело, - глубокомысленно изрек Зев.

- Где получить таковой? Война!

- Знай же, Иона: бедственность положения понуждает раввинов к частым тайным встречам. Они собираются вместе, чтоб придумать, как помощь увеличить, а ущерб уменьшить. К ним и пойдем.

2

Из польских и украинских городов и местечек собрались раввины. Откуда война позволила, оттуда и прибыли. Одеты убого, дабы казакам глаза не слепить. Тяжко оплакивать убитых, жутко вспоминать казни. Вошли молодые Зев и Иона. Расправились старческие лица, седые бороды скрыли задрожавшие от волнения подбородки, слезы гордости и надежды покатались по руслам глубоких морщин.

Навстречу Ионе бросились двое: божинский раввин Залман и неизменный его спутник каббалист Акива. Поцелуй и объятия. “Как отец, как мать?” – вопрошает блудный сын. “Слава богу! Живы, и Эйзер и Элишева!” – вместе кричат в ответ Залман и Акива. Вопросы, ответы, шум. Главного Иона спросить не мог: что Иванка? Любит? Ждет?

Раввины сетовали на новые несчастья, предлагали старые снадобья. Дошла очередь до дела о вызволении бойца из плена. Зев похвалился успехами отряда, а потом покаялся в недосмотре за новичком. Мудрецы не скупилась на мнения. Только голос Залмана звучал необычно робко. После памятного сбора у богача Эйзера, отца Ионы, когда божинский раввин сильно облегчил мощну тамошних евреев ради выкупа Рудана Дворецкого, мнимого друга народа израильского, репутация Залмана сильно пострадала.

Обсуждались Ионины альтернативы. Горячее всех говорил Акива.

- Слушайте меня, мудрецы и бойцы! – начал речь каббалист, - достанет ли золота у разоренного еврейства выкупить воина из рук алчных татар? Боем вызволять – что жребий бросать: одну душу спасем, а сколько погубим? И как соизмерим потом горе и радость? Обмен пленными – вот наше решение, евреи!

Пылкий Акива, ища поддержки, глядел на раввинов. Те, в свою очередь, уставились на Зева и Иону.

- Не одного и не два заложника захватим, а сто, двести, тысячу! – распалял себя бравый каббалист.

- Зачем же так много? – спросил Зев, не сдержав улыбки.

- Зачем много? Чтобы дух народа воспрял, чтоб гордость затопила еврейские сердца! Один тысячи стоит! Себя возвысим, татар унизим, христиане нас бояться станут! – прокричал Акива.

Седобородые зароптали, засомневались.

- Не под силу это нам, - буркнул Иона.

- Десять – самое малое! – великодушно уступил Акива.

- А десять-то почему? – спросил один из собрания.

- Кому, как не вам, ученым раввинам, знать из святых наших книг, что десять членов тела властвуют над человеком: два глаза, два уха, две руки, две ноги, уста и голова. За каждый из них – по заложнику! – вразумил Акива.

- Объяснение туманно, но мысль хороша, - заметил Залман.

Каббалист оглядел собрание с видом победителя.

Зев и Иона бьются над задачей. Татары – не легкая добыча, пьяными врасплох нехватишь. Послали лазутчиков, выставили наблюдателей, много дней изучали норы воинов крымского хана. Нашли слабинку.

Сутки в засаде. Короткая схватка. Две дюжины связанных по рукам и ногам заложников доставлены в лагерь мстителей.

Переговоры. Татары знают наверняка – для евреев бесценна душа соплеменника. Потому сказали решительно: “Хотите обратно своего юнца? В обмен на всех наших!” А евреям того и надо. Выгорело дело.

Зев препроводил Эльдада к отцу с матерью – пусть теперь они им правят. Или он ими.

Прошло немного времени, и главари отряда вновь предстали перед собранием раввинов, с гордостью поведали о блестяще исполненной заповеди. Акива горячо обнимает, поздравляет, благодарит героев.

- Один наш многих ненаших стоит! Евреи горды безмерно! Сладость величия перебивает горечь утрат! – воскликнул каббалист.

- Татары смеются над нами, говорят, умный еврей думал много, да вошь поймал, - уныло заметил Залман.

- Поляки охладели к нам, мол евреи себя выше прочих ставят, как доверять им? – сказал один из раввинов.

- Казаки и простой люд еще больше ненавистью налились, дескать для еврея хоть православный, хоть басурманин – хуже всякой скотины, - добавил другой раввин.

- Горжусь вами, горжусь собой, горжусь народом нашим! – невозмутимо продолжал Акива и вновь принялся жать руки озадаченным Зеву и Ионе.

А божинский раввин подумал с грустью: “Случись непредвиденное, и вот уж сбит с толку человек, если только не сумасброд он. Заповеди взыскивают жертвы.”

Глава 10

Всяк врач в рай

1

Война свирепствует в украинских и польских землях. За православную веру, за правое дело, за славное имя, казаки, не щадя жизни, бьются с ляхами и бьют евреев, не щадя их жизни. Отважный гетман Рудан Дворецкий главенствует над запорожцами. Много казаков полегло в битвах, раненых и того больше. Как и подобает полководцу, Дворецкий правит боями с возвышенных и отдаленных позиций. Храня себя, сберегает войско, близит победу. А все ж судьба сыскала пулю для Рудана.

Казаки бережно уложили раненого на конные носилки, осторожно довели до хаты, где располагалась походная резиденция гетмана. Рана велика, штаб-лекарь туго перевязал ее, тщетно пытался остановить кровь. В горницу влетел Микола Шилохвост, сердечный друг Рудана Дворецкого со студенческих лет – оба школярами были во львовском иезуитском

коллегиуме. За совершенное владение пером гетман определил однокашнику должность историографа казацкого восстания. На деле Микола стал первым советником воеводы.

- Что с тобой, Руданушко, жив ли? – возопил летописец.
- Жив пока... – едва слышно проговорил раненый.
- Будешь жить! Тотчас приведу целительницу искуснейшую. Еврейку. Все таинства врачевания уместились в голове ее.
- Н-н-нет... – просочилось сквозь побелевшие губы.
- Не дури, Руданушко, смири гордыню. Пусть еврейка, зато вернет гетмана народу. Жизнь твоя – не твоя. Всего православного мира достояние!

Раненый обессилел, закрыл глаза, смолк. Шилохвост распорядился доставить кудесницу немедля.

2

Славились еврейское племя наилучшими на свете врачевателями. Как мужчины, так и женщины овладевали искусством целительства, знали, когда ослабить, когда натянуть расстроенные струны тела и души. Учитель передавал вежество ученику, и каждое следующее поколение своим трудом, умом и опытом добывало новые знания, приемы и средства. Коренья, травы и цветы, обыкновенные на взгляд непосвященного, умелыми руками превращались в волшебные мази и порошки, чудодейственные настои и элексиры, живительные бальзамы и елеи. Христиане, сильные мира сего, обуздывали здравым смыслом суеверный страх и обращались за помощью к врачам-евреям.

Высокая, худая, черноволосая женщина средних лет решительно вступила в горницу. За ней, с саркастическим выражением на лице, показался штаб-лекарь. Он волочил тяжелый сундук, полный атрибутов и средств врачевания. Войдя, поставил ношу на пол, занял место в углу, сохраняя все ту же уничижительную мину. Женщина тотчас подошла к постели Дворецкого, гневно взглянула на штаб-лекаря, кивком головы подозвала его, велела осторожно приподнять раненого за плечи. Сняла никудышнюю повязку, обследовала рану, сама промыла ее, смазала мазью, присыпала порошком, сама наложила бинты. Кровь окрасила их и остановилась. Дворецкий открыл глаза. Целительница подала ему знак молчать. Поднесла успокоительное питье. Раненый уснул.

К полудню следующего дня гетман пробудился. Боль сверлила мозг. Напротив, скрестив руки на груди, стояла черноволосая женщина.

- Терпи, гетман, быстро отступит мука, у победителей раны не болят, - сказала она, угадав страдание больного.
- Как зовут тебя, целительница? – слабым голосом спросил раненый.
- Мирьям.

“Похоже на “Мария”, - подумал он. Вспомнил другую боль. Возлюбленная его ушла с лиходеем Равелинским. – “Бросила меня. Не из-за нее ли войну затеял? Обманула Мария. А Мирьям не обманет?”

- Мирьям, не уморишь ли меня из мести?
- В святых наших книгах сказано, что и лучшему врачу уготован ад. Я не спешу туда. Да и чего тебе бояться? Не делающий зла не подвержен злу. Поставлю тебя на ноги и не причиню вреда.

Исцеление подвигается скоро. Вот уж Дворецкий сидит, вот расхаживает по горнице. Мирьям безотлучно пребывает при своем облеченном властью пациенте. Православному казацкому воеводе тяжела дума, что спасен еврейкой. Любопытно ему исподтишка наблюдать за ней, худой и прямой, как палка, не улыбочивой. Что за народ это? Скрытный, хитрый, себе на уме. Ненавистный.

- Признаю, Мирьям, лекари-евреи лучше наших костоправов. Искусный врач незаменим и стоит легиона, - нарушил молчание выздоравливающий.
- Да, нам известны тайны врачевания, - сказала Мирьям.
- Отчего ж не откроете их во благо всем людям?
- Господь покровительствует достойным. Грешно расточать дары небесные, будь то золото, будь то снадобье.
- Иудейский ответ! – усмехнулся Дворецкий.
- На христианский вопрос! – заметила Мирьям.
- Поневоле христиане должны ценить твое племя.
- Поневоле? Спасибо и на этом. Евреи умеют лечить раны, хоть и не наносят их! – достойно провозгласила Мирьям.
- Не наносят их? Неужто не слыхала про банду Зеева и Ионы? Они вырезали отряд непобедимого атамана Криворучко!

Мирьям побледнела, отвернулась к окну, зашептала что-то.

- Молишься за своих? Неизбежно настигнет разбойников кара! – пообещал Дворецкий.
- Боже праведный, непогрешимый! – воскликнула Мирьям, - ведь по своему подобию ты создал людей, зачем творения твои истязают друг друга?
- Истязают? То литавры победы, ореол славы, мужество и доблесть, рыцарский дух! – вдохновился гетман.
- Цена сему торжеству – раны, кровь, муки, смерть. Пир тщеславия!
- Женщина! Еврейка! Что смыслишь ты в христианских гимнах чести?
- Кто поет гимны эти? Пьяные казаки да гусары?
- Напрасен спор! Глухому ослу притчу рассказывать? Мужички народа твоего робки и трусливы, и женам гордиться нечем.
- Смеются над тем, чего не понимают, а не понявши – ненавидят. Ужели бойцы Зеева и Ионы трусы? А все же мир лучше победы!

Рудан Дворецкий вспоминает давний разговор с больным отцом. Родитель просил не утеснять евреев, мол, народу и шляхтичам польза от них великая. Управлять с толком станут, торговлю к расцвету приведут, земледелие и ремесло наладят. Сын не соглашался. Повидал разные страны, везде они гонимы, и по праву.

Вопрошает гетман сам себя, откуда проистекает злоба его на анафемский род? И не знает ответа. Из правоты отцовской? Может, и так. От страха, что родитель происходит из крещеных евреев? Ведь не ответил же он Рудану на прямой вопрос! Будущего воеводу выкупили из турецкой кабалы еврейским золотом. Эта рана не затянется. Зато другая рана зажила. Кто заживил ее? Еврейка! Рад не рад, благодеяния приняты, и с этим жить. Но простить нельзя!

В горницу вошла Мирьям, прервала размышления Дворецкого.

- Гетман, ты здоров, и я не нужна тебе более, - произнесла целительница.
- Прощай, - сказал Дворецкий.
- Твой друг Шилохвост щедро расплатился со мной.
- По заслугам.
- Немногословен ты сегодня. Не спросишь, желаю ли я чего на прощание...
- Ты получила за труды сполна.
- Золотыми монетами не всякий расчет красен.
- Проси. Смогу – исполню.
- Я доподлинно знаю, к будущей неделе попы в православных церквях готовят службу особую, подстрекательскую, освящение ножей они зовут ее. Люди в рясах освятят оружие лихих твоих рыцарей для убиения наших людей. Пресеки это, гетман!
- Выходит, я должник твой?
- Ты мной спасен, а где поклон?
- За неблагодарных бог благодарит.
- Прощай.
- Стой! Тебе, Мирьям, не навести пагубу на душу мою, но от тела моего ты пагубу отвела. Потому обещаю, остановлю черные рясы.

Целительница вышла из горницы, за нею – штаб-лекарь с сундуком. Через семь дней поднятые проповедью бойцы Дворецкого рубили иудейские головы острыми освященными саблями. А отзывчивый Микола Шилохвост успокаивал смущенную совесть товарища по иезуитской школе, дескать, обещание, не по сердцу данное, исполнением не обязывает.

Глава 11

О том о сем

1

Кажется, великая бойня утихает мало-помалу. Славный гетман Рудан Дворецкий поднял казачество да и весь народ украинский на священную войну. Всем, кто желал и не желал слушать его, объявил спаситель, что пришло время избавить православный люд от мук и гонений, дабы воцарилась справедливость, дабы наступил конец тирании польских панов и ксендзов, и простыл бы след евреев-кровопийц в дорогой сердцу стороне русской веры.

Булат, огонь и кровь смердили на польских и украинских землях. Бессчетно загублено душ, бурей разыгралась лютость, и сердца завещали поколениям злобу. Выпрямила ли кривду война? Победителей спросить? Побежденных? Да кто они, те и другие?

Рудан Дворецкий почитал лучшим отдыхом от ратного труда беседу с Миколой Шилохвостом, другом студенческой юности. Иезуитский коллегийум, что в городе Львове, наполнил головы молодых школяров знаниями, а чувства – толерантностью и благородством. Шилохвост не однажды доказал Дворецкому свою любовь и преданность. В черные дни, когда руданово нутро терзалось горем о погибшем сыне и об украденной любви, и ярость бессильно билась о наглость судейских и неблагодарность короля, Микола направил гнев обиженного в русло разума, и вместе они начертали план войны за справедливость. А нашла Дворецкого пуля – и Шилохвост привел лучшую на свете лекарку, и та исцелила раненого.

Помятуя о таланте Микола к словесности, благодарный гетман назначил бывшего однокашника историографом величайшей своей кампании. Частенько друзья сживали вместе, Шилохвост читал свежие страницы летописи, Дворецкий слушал, порой соглашался, порой поправлял.

2

Гетман, хоть нрава неуравновешенного, но в делах являл тщание и педантство. Сражениями командовал хладнокровно и расчетливо. Народ свой, и песни его и предания любил горячо. Жил скромно, по-простому, но влечение имел к людям образованным, коих мало встречал среди казаков. Умные и приятные собеседники редки, лишь друг Шилохвост отрада души. Случалось, не насыщала дружба – и тянулся к гадалкам и ворожеям, а то и к стопке. Летописец во многом схож был со своим гетманом, а сходство тесно сцепляет друзей. Что один любит, то и другому мило, что первый ненавидит, то и второму гадко. Как и Рудан, болел Микола пристрастием к потустороннему. Не сомневался в переселении душ и мнил себя в новом обличии великим сочинителем лет эдак через двести.

- Слушаю тебя, Микола, и дивлюсь. Вроде, хроника под твоим пером, а ты красу степи и Днепра живописуешь или лихими казацкими танцами хвалишься! – упрекнул Дворецкий.
- От истории не убудет. Славлю прелесть и силу земли украинской, - ответил Шилохвост.
- А песни чудные не забудешь?
- Как можно? Вот послушай-ка, что вставил в летопись:

“Куда ж ты, мой милый,
Голубчик мой сизый,
Куда уезжаешь?
Кому ты меня беззащитную,
Молодую, кому оставляешь?”

- Дивно-то как!
- И любовь, и тоска, и правда жизни. Воин оставляет деву, уходит в поход. Вернется ли? Редкий казак до старости доживет, - вздохнул Шилохвост.
- Казачки плодovitы, новых бойцов народят! – бодро возразил гетман, а сам помрачнел, свое вспомнил.
- Однако, Рудан, все почти листы повести отданы эпоее.
- Славно, Микола. Потомки должны знать ушедших героев и деяния их.
- Уверен, навсегда поставим предел позорному владычеству ляхов и евреев и веру православную на щит поднимем и утвердим. Всего достигнем! – воскликнул Шилохвост.
- Боюсь, не всего. Племя Израилево нам не извести, хотя много сил душевных и телесных на то положили, - возразил Дворецкий.
- Жаль, нетерпимо сильно еврейство означило свое присутствие в наших краях.
- Не горюй, Микола, все ж укоротим их ветхозаветную рьяность. Власти жаждут!
- Не только власти. Вековечная мысль о золоте змеится в сердце еврея.
- Повар мой, пленный, из ляхов, говаривал, дескать у иудея всегда жирный гусь на обед, а бедный католик макает в слезы сухую корку.
- То-то они богатеют, хоромы строят, живут по-пански, - заметил Шилохвост.
- А что до панов, так те собаку и еврея почитали лучше нашего брата, - в тон добавил Дворецкий.
- Жаль, не выходит дочиста вымести Украину.
- Не сокрушайся, Микола. Русский православный царь пособит.

Очень любят гетман с историографом обсуждать войну, мир и мир после войны. Говорят о том, о сем и о важном. Что может быть отраднее, чем истинно просвещенная беседа?

- Ну, Шилохвост, докладывай, украсил ли летопись повестью о моей победе над еврейской бандой Зеева и Ионы? – спросил Дворецкий.

- Изобразил в точности, ни убавить, ни прибавить. Я и казнь злодеев описал. Варвары, изуверы, лиходеи! Сколько душ православных на небо отправили! – горячо ответил Шилохвост.

- Что написал? Не читай, скажи кратко.

- Слушай. Тысячи казаков собрались на лобном месте. Ждут, когда выведут на помост бандитов, уцелевших в проигранном бою. Зрители, хлопцы наши, все хмельны, ибо никак не можно гуманному христианину трезвым взором глядеть на страшные муки. Добровольные палачи вышли вперед. Вот привели связанных по рукам негодяев. Окровавленные, оборванные, грязные. Силой сорвали с них шапки, силой поставили на колени. Которые смогли – встали, выпрямились. Запели молитву на тарабарском языке.

- “Слушай, Израиль” молитва эта называется, - вставил слово гетман.

- Да, кажется, так. Тут в толпе закричали: “Красную ленту, красную ленту!” Добровольцы на помосте засучили рукава. Стали сдирать кожу с евреев. С живых. Под конец зрелища – апофеоз возмездия. Казнь атаманов Зеева и Ионы. Эти тоже запели “Слушай Израиль”. Высоко держат головы, бестии. Им предуготованы муки пострашнее красной ленты. Станки особые сооружены.

- Остановись, Микола! Разве место этому в анналах? История народов есть суд народов, и истинный палач – это толпа у эшафота. Потомки что подумают о нас? Жили, не чужа человечества? Не изъять ли это из летописи?

Шилохвост замолчал, не согласен. “Закон летописца – бояться лжи и не бояться правды”, - подумал. И обидно, пропадет труд сочинительский.

- Вот, заметил я, Микола, читаючи твои хроники, что о казаках ты пишешь только доброе, а поступки их, порой, рисуешь злыми, евреев же поносишь всячески, а они у тебя тут – находчивы, там – герои. Слова и дела разнятся, не так ли?

- Я держусь истины, мой гетман, толкование – не моя печаль, - отрезал историограф.

- Не сердчай, Микола! – примирительно сказал Дворецкий, - твои писания прославят наше время и имя твое. Бесподобное перо, тонкое чутье к изящному слову!

Шилохвост оттаял, похвала возвысила дух, он решился доверить Дворецкому свою тайну.

- А занешь ли, Рудан, мне было видение пророческое! – выпалил Шилохвост.

- Какое такое видение?

- Минуют два века, и душа моя поселится в другом человеке, великом сочинителе, волшебнике пера.

- Кто ж он таков?

- Видение не открыло всего. Знаю лишь, что фамилия его будет, как моя.

- Шилохвост?

- Нет, не Шилохвост, но тоже утиная! - воскликнул историограф и вдруг расхохотался буйно, а взгляд невидящий, словно безумного.

Дворецкий оторопел. “Кто знает, быть может, безумцу доступно нечто нам неведомое, и речи его не без причины?” – про себя подумал гетман.

- Порой, не понимаю тебя, Микола. Уж не впервой ты чудишь. Ладно, картину казни в летописи сохрани.

В тексте использован фрагмент украинской народной песни в интерпретации Н.В. Гоголя.

Глава 12

Рут

1

Неподалеку от города Божин, что на берегу Днепра, расположился хутор казака Ефрема. Хозяин вот уж несколько лет, как в военном походе. Он занят в кампании великого гетмана Рудана Дворецкого, коего судьба назначила добыть правду, исправить кривду и освободить Украину и православную веру от гнета ляхов и евреев.

Трое обитают на хуторе: Евдокия, жена Ефрема, Иванка, дочь их, и мальчуган трех-четырёх лет, прижитое дитя Иванки. Одинок живут казачки, стыдятся людей. Любовью к пацаненку греются женские сердца, утешаются слезами, думами о былом и несбывшемся глушат тоску, и воспоминания о счастье делают невзгоду горше.

Иванка закрывает глаза и видит возлюбленного своего Иону. Статен, белокур, широкоплеч. И учен. Что за жребий ей выпал – полюбить еврея? Не жалеет. Как ласков был, как чуток, как нежил ее! Ни своих, ни чужих не убоился. Любовь к ней, юной красавице-казачке, вознес выше веры и закона племени своего. Когда понесла, Иона, не колеблясь, приготовился разбить оковы, увести Иванку и матушку ее далеко-далеко, докуда не доберется рука и языкам врагов и друзей. Война все смешала.

Помнит Иванка зеленую рощу, приют тайных свиданий. Говорили обо всем, и набрали на то, что оба родились весною под созвездием рыб. Иона взволновался, пошел к своему мудрецу, каббалисту Акиве, спросить что сие сулит человеку. Потом передал слова каббалиста, мол рожденные под созвездием этим фантазеры и чуют гибельность судьбы. А она расплакалась, обняла его и сказала, что они неразлучны, как рыбы небесные.

Иванка любила благородный дух его, обходительность и ученость, а Иона, чтоб угодить ей, все старался походить на лихого казака. Дворецкий затеял войну, и Иона вступил в отряд мстителей, отчасти за свой народ постоять, отчасти пред Иванкой себя утвердить. Затянуло болото войны, и не сдержал слово Иона, и не вернулся, и Иванка с Евдокией остались на хуторе и сделались добычей наговоров и сплетен. До Иванки доходили слухи о ратоборстве Ионы, а он, храня тайну, никого не мог спросить о житье возлюбленной казачки.

2

На улице, соседней с той, где до начала войны жил Иона с отцом и матерью, стоял дом, в котором обитало праведное и зажиточное семейство, и Рут – прекрасная представительница его. Пышные каштановые волосы, огромные миндалевидные карие глаза, белая нежная кожа тонкого лица очерчивали красу дочери древнего библейского народа.

С детства, девочкой, полюбила Рут соседского мальчика Иону. Год за годом крепла любовь, и не думала Рут о другом муже. Всепоглощающая страсть заполонила душу, и еженощно снился девице возлюбленный, и обнимала его в нескромных мечтах благонравная Рут. Но что поделает дивчина, коли хлопец слеп?

Как-то на привале, по дороге на ярмарку в Люблин, из уст всеведающего раввина Залмана услышал Иона, что Рут сохнет по нем. Но поздно, Иванка поселилась в сердце. Безумно любила Рут, и ревность ее была безумна. Шпионством вызнала, кто соперница, замкнулась в себе и стала ждать, быть может прозреют глаза слепца. А не дождется – мезтью умерит утрату.

Вот, совсем надежда тает: родилось дитя у Ионы. “Как быть? – думает Рут, - погубить шиксу – принести горе любимому. Не решусь на такое. Жизнь моя злосчастная!”

Прошло несколько лет, и время положило предел терзаниям Рут.

3

К концу кампании стали возвращаться домой степи и Днепра хозяева. Вот молодой казак Милован. Он окреп в боях и в пирах, и уж не пьянеет прежде всех. Вот пожилой и мудрый боец Злотоус, товарищ Ефрема. Вот всеми уважаемый за правдолюбие Красун. Ранен был тяжело, но не поддался, выстоял. А Зиновий, спорщик, что в пользу евреев говорил, погиб в первом же бою и не явил доблести. И Сологуб, недруг Зиновия, тоже пал, зарубленный ляхами.

Два известия принесли казаки. Одно прискорбное и одно радостное. Первое – Ефрем, муж Евдокии и отец Иванки, пропал без вести, и никто не знает, славой ли, позором ли, имя свое ознаменовал, и неведомо, где могила его. Второе – у всех на устах. Войско славного гетмана Рудана Дворецкого разгромило разбойничий еврейский отряд. Уцелевших не пощадили, с живых содрали кожу, а главарей, Зеева и Иону, предали лютой казни, которую и описать нельзя.

Прискорбное известие повергло обитательниц осиротевшего хутора в траур, радостное же добавило боли.

Горе сдавило сердце несчастной Рут. Надо ли жить, коли никогда более не узрит прекрасный облик? “Казнен, замучен, растерзан - плачет Рут, - толпа палачей! Обидчица той же породы. Погубила Иону, из груди моей вырвала сердце!” Высохли слезы, и вернулась мысль о мести, ибо убита любовь, и нечем ненависть остановить.

План отмщения быстро созрел в голове благонравной Рут. Она позвала старого конюха, бывшего казацкого рубаку, из-за раны не вернувшегося в строй и за щедрую плату согласившегося служить в богатом еврейском доме. Сказала ему что-то, протянула золотой. Конюх поклонился, вышел из горницы.

4

Окончен поход, и великим пиршеством пристало его завершить. Жизнь привольна, как степь, пенится, как Днепровская волна. Звенят украинские песни, красивей которых в целом мире

нет. Разложены костры, заготовлены бараньи туши, хлеб, зелень, сало, окорока, бочки с горилкой и медом.

Казаки расселись солидно. Гордые лица, чубы и усы, загорелые худощавые тела обнажены по пояс. Мускулы рук вздуваются, выдавая силу огромную, достойную, по-пустому не растрачиваемую. У каждого сабля за поясом.

Поспело мясо на огне, разложена снедь, откупорены бочки. Выпита первая чарка, за ней вторая, третья. Начало положено. Славное начало. Пришло время беседы. Мужской, неторопливой, степенной – настоящей казацкой беседы.

Тосты за победы, тосты за героев, тосты за упокой души павших товарищей. Витязи не пьют за всех одним гуртом. За каждого смельчака, за каждого погибшего, за каждый триумф наполняется чарка. Казаку положен персональный почет.

В разгар торжества, когда горилка уж изрядно разгорячила головы, но уши еще слышали, а языки двигались, подосланный конюх отозвал в сторону пожилого бойца Златоуса и что-то пошептал ему. Красное лицо рыцаря сделалось пунцовым. Вполне твердым шагом он подошел к веселой братии.

- Довольно пьянствовать, хлопцы! – гаркнул Златоус, - есть новость страшная!
- Говори скорей! – загомонили голоса.
- Известно вам, что дочка Ефрема, бесславно пропавшего, без мужа прижила дитя!
- Позор!
- Не в том новость, что позор, а в том, что евреем была обрюхачена!
- Совсем худо! – грозно заворчали казаки.
- Спросите, кто он, осквернитель?
- Кто, говори, не тяни!
- Иона! Убивец славного атамана Криворучко!
- Совсем, совсем плохо!
- Можно ли снести такое, казаки?
- Не можно! Никак не можно!
- Не слышу совета вашего!
- Смерть потаскунье гулящей! И матери ее – смерть! Обе ведьмы! – вскричал Милован.
- Верно! Седлайте, хлопцы, коней! Живо, пока головы горячи, мчим на хутор ефремов, сабли наголо! – скомандовал Златоус.

Казаки с ревом снесли ограду и ворота и уж совсем было приготвили зарубить перепуганных насмерть женщин, да мудрый Златоус остановил расправу: “Эй, дикари, пьяные! Стойте! Придет правому делу время! На потеху вам – час!” Он соскочил с коня, бросился к Евдокие, заломил ей руки за спину, потащил полуживую в хату. Милован, молодой и горячий, во дворе, у всех на виду, ястребом налетел на Иванку, повалил наземь. Похоть, как и злоба, в приступе своем не знает стыда.

Всем, кто хотел, досталось забавы. Натешившись, свершили то, за чем пришли. Тут просветлело в голове правдолюбивого Красуна. “Справедливы ли мы? Своих покарали, а корень зла в земле оставили!” – воскликнул.

И ринулись казаки в Божин, на еврейские улицы, и жителям их много могил выпало рыть. А дом Ионы сожгли, и все его обитатели сгорели заживо. Рут, отомстив, бесчувственно встретила злую судьбу – ту же, что и Иванкина судьба.

Мальчонка успел убежать с хутора, забрел в поле. Проезжий татарский конник заметил мальчика, подхватил. “Пригодится!” – подумал.

Глава 13

Ветра круги

1

Ничто нельзя утвердить и закрепить бесповоротно, но, кажется, исчерпало себя казацкое восстание. Запорожцы наказали ляхов, вызволили простой люд из кабалы панской, отстояли православную веру от утеснений католиков, умерили еврейское кровопийство. Славный гетман Рудан Дворецкий, стратег казачий и вождь украинский, привел родину и воинство ее под эгиду русского православного царя. Народ шагнул из рабства в свободу, воссоединился с великим братом-единоверцем.

Война изрядно потрепала Украину. Села безлюдны, амбары сожжены, хаты порушены, мельницы изломаны, церкви разграблены. Дворецкий чересчур полагался на татарского союзника своего. Чужаки не столько казакам пособили, сколько народ пограбили да поубивали. И ляхи, бунтовщиков усмиряя, внесли свою важную лепту в разор земли украинской. С великой печалью смотрит Дворецкий на картину запустения. Этого ли хотел воевода? Что исправила война? Друг и соратник его, историограф восстания Микола Шилохвост, безжалостно сыплет соль на рану гетману.

- Эх, Рудан, ведь сказано в нашем писании, что кривое не делается прямым! – восклицает Шилохвост.

- Так обретаем мудрость, Микола! – в тон отвечает Дворецкий.

- Разрушать – склонность врожденная и сильнейшая, - философствует Шилохвост.

- Разрушая, освобождаемся от невыносимого и верим в улучшение, - добавляет Дворецкий.

- Разрушением торим путь в историю, - оптимистически заявляет историограф, завершая тему.

Худшее зрелище являли польские города и еврейские местечки. Огонь – самое впечатляющее орудие уничтожения. Пепелища и развалины. Костелы и синагоги превращены были в стойла, осквернены, полны конского навоза. Жители, коих не перебили казаки и не угнали в неволю татары, прятались по лесам. Поля вытоптаны, голод, болезни, мор. Некому убрать трупы животных, некому предать земле умерших. Хищные звери и птицы рвут гниющее мясо, жиреют на пиру войны. Окончился золотой век польского еврейства.

2

Год-другой минули, и евреи вернулись в родной город Божин, что стоит на берегу чудного Днепра. Строят, возражают, скорбят. В знак траура по погибшим и замученным, раввин Залман наложил запрет: богачам три года не надевать шелка и лакомых кушаний не касаться. Зато женщинам, побывавшим в плену, разрешено вновь выходить замуж.

“Сильно оскудела общинная касса. Да и кому взносы делать? Сколько народу перебито, сколько разорено! И толстосумам пришлось испытать из горькой чаши казацкого бесчинства. Взять, скажем, божинского богача Эйзера. Казаки спалили хоромы его, и погиб он в огне вместе с супругой Элишевой и тремя малолетними дочерьми. Кто виноват? Сын их Иона,

что неразумными деяниями разжег ярость запорожцев? Задумал ничтожной силой великую силу одолеть, атамана их буйного убил! Или племянница бывшего каббалиста Акивы, мстительная Рут, злым доносом раздражившая зверя? Однако, есть ли вина, коли нет умысла? Пусть бог ищет виновного!” – размышляет божинский раввин Залман.

“А вот, к месту об Акиве вспомнить. Многие наши, себя спасая, крестились. Жизнь всего дороже, как их осудишь? Которые смогли, вернулись к вере отцов. Акива же, каббалист и благовестник рьяный, разъезжал по городам и весям, все проповедовал не поддаваться принуждению казаков и попов, блюсти нашу веру, мол вот-вот мессия придет, и все спасутся. А попал в плен, и принял крещение, и других стал подбивать. Господь ему судья. Мессию пророчил! Неужто еврейство праведно и заслужило спасение? Акива хотел словесами мир изменить. Разве не писано в книгах наших, что искривленного нельзя выправить?” – рассуждает Залман.

Кружится ветер, все возвращается, все повторяется. Звонят песни в селах, и сабли точатся. Ненависть пестуется, и для любви место есть. Богатые алчут наживы, землепашцы орошают землю потом, ремесленники гнут спину. Сильные куражатся, слабые копят злобу. А Днепр – все тот же Днепр, а степь – все та же степь.

На обложке гравюра по рисунку Эмиля Хюнтена (1827 – 1902) “Клейст падает при Кунерсдорфе”.

